

Лаэда

Андрей Астахов

Девятый император

«Лениздат»

2007

Астахов А.

Девятый император / А. Астахов — «Лениздат», 2007 — (Лаэда)

Древние законы больше не действуют: драконы истреблены, а с ними рухнуло Равновесие. Погиб последний представитель восьмой династии, его сын тоже объявлен умершим, а новый император объявил себя Богом и воскрешает мертвых. Что происходит на самом деле, знают лишь несколько человек — остатки некогда могущественного ордена рыцарей-магов. Но не им суждено вступить в битву с неведомым злом. Чтобы раскрыть тайну исчезнувшего принца, в невероятный поход в чужой мир отправляются стареющий воин-язычник и девочка-сирота. Лишь им дано зажечь давно угасший огонь и вернуть того, кто станет для империи последней надеждой.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	24
Глава третья	40
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Андрей Астахов

Девятый император

Глава первая

*Гляжу на воинов молодых;
Как сам я был похож на них!
И точит грудь тоска-змея -
Ах, где же молодость моя!*
Жеста о девяти рыцарях из Гро

Странно, ведь это когда-то было с ним. Или не было?

Было это в августе, и он познакомился с женщиной, неожиданно и многообещающе. Уже много лет он жил в одиночестве, и жизнь эта напоминала серое тихое зимнее утро – без красок, без радости, без тепла. Многие годы прошли мимо него, не оставив в памяти никакого следа. И только когда ему исполнилось сорок, и он начал ощущать, как минута за минутой, час за часом время покидает его, одинокая жизнь наконец-то навалилась на него своей тяжестью. И он сказал себе – ему нужна семья, ему нужна любовь, которой он долгие годы был лишен.

Женщина, которая его заинтересовала, оказалась дальней родственницей Феррана, конюшего графа ди Виана. Ферран сказал ему – она никогда не была замужем и всю жизнь прожила на ферме отца, ухаживая за скотиной и обучая деревенских девочек рукоделию и домашнему хозяйству. Ферран сказал, Ивис достойная женщина, только ей почему-то не везет в жизни. Найти хорошего жениха в Лаэде стало трудно, а в ее возрасте – тем паче.

Первую записку от Ивис ему принес один из деревенских мальчишек. Ему понравился ее слог, ее полукруглый детский почерк, изящность фраз и та безыскусная теплота, с которой было написано это короткое послание. Он ответил. С той поры месяц за месяцем, изо дня в день они обменивались письмами, которые постепенно становились все длиннее, все искреннее, все душевнее. А главное – письма от Ивис стали для него отрадой, отдушиной. Если к вечеру ему не приносили письма из соседней деревни, он грустил и долго не мог заснуть, ворочаясь на жестком лежаке и думая о своей жизни. Когда же ему приносили новое письмо, на душе у него опять становилось спокойно и хорошо, жизнь снова казалась полной смысла. И будущее виделось вполне сносным.

Они не объяснялись друг другу в любви, но самый тон писем, их теплота и душевность делали такие объяснения излишними – все и так было понятно. Он и сам убедил себя в том, что Ивис очень хорошая партия для него. Он слишком долго был один – почти пятнадцать лет. Ему уже сорок, пора подумать о будущем. Его все чаще посещали мысли о доме где-нибудь в окрестностях Ниллгара, неподалеку от его родины – уютном доме из пяти или шести комнат с белеными стенами и красной черепичной крышей, с маленьким садиком и прудом, в котором плавают красные сонные вуалехвосты. О доме, в котором и днем и ночью слышны детские голоса и смех.

Ивис жила всего в нескольких лигах от Виана, и все чаще в своих письмах она приглашала его в гости. Он и сам был не прочь увидеть наконец-то женщину, которая заставила его забыть о Мело. Только вот малолетний наследник графа постоянно находил для своего наставника новое занятие; псовая охота сменялась соколиной, объездка лошадей – тренировками с оружием, и везде двенадцатилетний Фернан ди Вирс, граф ди Виан приказывал «своему лучшему на свете язычнику» сопровождать его. Он сопровождал и думал об Ивис.

Встреча произошла в разгар весны, в первый по-настоящему солнечный день за многие месяцы, и он даже подумал – боги благоволят им, если впервые за столько недель разогнали серую облачную пелену. Ивис была совсем непохожа на Мело, но по-своему хороша, даже очень хороша; она смеялась, шутила, брала его руку в свои ладони, и глаза ее были полны света и тепла. Он вернулся в Виан с мыслями о ней и о том, что наконец-то одиночество ушло из его жизни навсегда. Впервые за много лет он был по-настоящему счастлив.

Письмо пришло через неделю. Всего две строки: «Я согласилась выйти замуж. Все кончено». Второй раз в жизни его сердце было разбито.

Она приснилась ему в одну из ночей вскоре после того, как они расстались так неожиданно и так необъяснимо. Он увидел ее в поле – она стояла к нему спиной, и ветер развеивал ее платье.

– Почему, Ивис? – спросил он.

– Ты разве не понял? Мне нужно было выйти замуж. Все женщины стремятся выйти замуж любой ценой. Ты был глуп. Ты думал, я растаю от твоих изящных фраз, от ласковых слов, которыми ты меня называл, от твоих мужских достоинств. Ты самонадеянный осел. Я женщина, и мне все равно, какой ты, хороший или плохой, умный или глупый, пьяный или трезвый, добрый или злой. Мне нужен МОЙ мужчина, МОЯ собственность.

– Зачем же ты тогда столько времени давала мне надежду?

– Потому что я женщина. Мне нравится очаровывать мужчин, видеть, как они все больше и больше влюбляются в меня, а потом бросать их, причинять им боль. Я почти физически чувствую вкус крови, которая течет из их разбитого сердца! Это вкус победы, вкус женского торжества!

– Ты просто дрянь.

– А ты глупец. Наивный слюнтяй. У тебя в голове седины, а ты повелся, как мальчишка. Неужели ты не понял, с кем ты имеешь дело?

Тут она обернулась, и лицо ее странным образом превратилось в жуткую образину. Злобно хихикая, чудище закружилось в каком-то нелепом зловещем танце, двигаясь прямо на него. Он закрылся руками, отшатнулся прочь – проснулся.

Ощущение было такое, будто он остушился. Хейдин повертел головой, осматриваясь и заодно пытаясь стряхнуть с себя остатки неприятного сна. Он просто задремал в седле. Спал он совсем недолго – луна была еще высоко, и в ее свете Хейдин увидел, что отъехал от холмов всего на несколько сотен локтей.

От самого Маре он гнал своего жеребца без отдыха, пока ночь не сгустилась настолько, что надежно скрыла Хейдина от любопытных глаз. Только тогда он дал роздых коню. Спокойный шаг коня после отчаянной получасовой скачки оказался отличным средством нагнать сон. Однако проснулся Хейдин как нельзя вовремя. От Маре он отъехал достаточно далеко, чтобы не опасаться погони. А впереди был Фонкар, Черный лес.

Хейдин хорошо знал эти места. Он много раз охотился здесь и с графом, и с его сыном. В Фонкаре гнездились дрофы, нередко встречались кабаны и косули. Когда-то это был непроходимый лес, теперь скорее бескрайняя пологая равнина, на которой островками стояли буковые, дубовые и кленовые рощи. Кое-где из травяного ковра торчали бесформенные черные массы самых причудливых очертаний – окаменевшие стволы тысячелетних деревьев, посаженных тут еще сидами в незапамятные времена. Пожар убил их, выкорчевать их люди так и не смогли, и теперь изуродованные огнем и временем мертвые гиганты торчали из разнотравья словно гнилые клыки каких-то чудовищ, погребенных на равнине.

Тысячу лет назад Фонкар принадлежал сидам. Потом люди согнали отсюда Первый Народ самой простой и подлой методой – просто-напросто подожгли лес, превратив чудесное место в огромную черную гарь. Потом здесь появились колонисты, возникли деревни и поля вокруг них, но в одну ночь все поселенцы, объятые необъяснимым ужасом, покинули Фонкар, оставив

весь скarb и засеянные поля и сады. Была ли это месть сидов, или что-нибудь другое – кто знает? Хейдина чары сидов не пугали. Тем более что сейчас у него появился противник пострашнее сидов.

Сначала начал беспокоиться Карлай. Хейдин попытался успокоить коня, но гнедой нервничал все больше и больше. Тогда ортландец решил подыграть своему коню. Он дал Карлаю шпоры, и жеребец понесся по равнине, выбивая искры из дорожных камней. И через миг Хейдин понял, почему беспокоился конь. Со стороны холмов за спиной Хейдина раздался громкий злобный вой, на который немедленно откликнулись собратья неведомой твари.

Хейдина прошиб ледяной пот. В последний раз он имел дело с порождениями Темного мира десять лет назад и хорошо представлял себе, с какими существами может встретиться на этот раз. Медж Маджари так и не сказал ему, против кого они ведут свою войну. И еще – азориец что-то говорил про запах Хейдина, который остался там, в таверне...

Вой повторился, оборвался мяукающим воплем. Невидимые твари были близко, но темнота не давала Хейдину разглядеть их. Ортландец вспомнил, как однажды в лагере один из ветеранов Северных войн рассказывал ему о каниях – чудовищных псах-людоедах, выведенных сидами. Кания, говорил ему ветеран, имеет шерсть, меняющую свой окрас под окружающий ландшафт, так что увидеть приближение твари просто невозможно, она подкрадывается невидимкой, а уж когда бросится на тебя, ты, почитай, уже мертвец. Неужели это правда? Если так, то его дела ой как плохи...

На равнину справа и слева надвинулись края леса – теперь осталось не более двух лиг. Сразу за лесом будет холм, а на нем руины Фонкарского замка, когда-то могучей цитадели Воинов Свитка. Там его ждет Маджари, если, конечно, азорийцу удалось отбиться от красных сыщиков.

Хейдин облегченно вздохнул и выругался – впереди на дороге появился всадник.

– Скорее! – Медж Маджари махал ему рукой. – Скорее, во имя всех богов! Надо спешить...

– За мной погоня, – сообщил Хейдин. – Что-то, чего я не встречал. Я слышал их вой.

– Мысль о каниях была верной.

– Откуда ты знаешь?

– Я предвидел это. К счастью, кании для нас не так опасны. Поехали! – Азориец пустил в галоп своего белого жеребца, и Хейдин поспешил за ним. Неприятный холод все больше наполнял его нутро. Чтобы справиться со страхом Хейдин положил правую ладонь на рукоять Блеска.

Фонкарский замок они увидели через минуту. Когда-то он и впрямь был великолепен, сейчас от твердыни тех, кто веками хранил в этой стране закон и порядок, остались лишь разрушенные временем стены и зияющий черными проломами донжон высотой в шестьдесят локтей. Более мелких подробностей Хейдин разглядеть не успел – они с Маджари пронеслись по узкой дороге, ведущей от тракта к замку, въехали в каменный створ громадных ворот и осадили коней уже во дворе замка, мощном плитняком и окруженном густым лесом, в который превратился некогда ухоженный замковый парк.

Маджари, не дав ортландцу опомниться, велел оставить коня во дворе и следовать за ним.

– Оставить Карлая здесь? – Хейдин продолжал сидеть в седле. – Эти твари разорвут его. Карлай мой друг. Придумай что-нибудь получше.

– Мой Ротас тоже останется во дворе, – сказал Маджари, потрепав белого жеребца по шее. – Он позаботится о твоём скакуне. Быстрее, Хейдин, опасность слишком велика!

– Я не брошу коня.

– Ты обещал выполнять все мои приказы.

– Мне жаль Карлая, Медж.

– Доверься мне. Еще минута – и будет поздно.

Хейдин все еще хотел возразить, но тут увидел, как из глубины леса к ним рванулось что-то похожее на кучу палых листьев, поднятую порывом ветра. Душераздирающе, почти человечески закричал белый жеребец Маджари, и почти немедленно предсмертное ржание коня оборвалось, заглушенное злобным рычанием и хрустом – будто кто-то продирался сквозь иссохший кустарник. Хейдин рванул меч из ножен, но мгновение спустя сам вылетел из седла, выбитый страшным по силе ударом. Карлай заржал так же страшно, как и конь Маджари – и стало тихо.

Хейдин, оглушенный падением, не сразу пришел в себя. Маджари помог ему встать на ноги. Камзол и сапоги азорийца были в пятнах крови, в левой руке он держал обнаженный меч.

– Хвала Единому, цел! – вздохнул Маджари, осмотрев ортландца. – В таком падении немудрено и шею сломать.

Хейдин не слушал азорийца. И Карлай, и белый конь Маджари исчезли. На плитах двора зловеще лоснились темные полосы, ведущие к лесу.

– Поплачь над своим конем, Хейдин ди Варс-ле-Монкрайт, а я поплачу над своим, – сказал Маджари. – Они честно и до конца выполнили свой долг.

– Клянусь Тарнаном, что это было?

– Мы только что пережили атаку каний и остались живы. Каролит защищает нас, но надо спешить, пока эти твари заняты нашими лошадьми.

Мощная дверь донжона оказалась запертой. Маджари толкнул ее, но она даже не шелохнулась. Тогда азориец поднес к замку свой перстень с зеленоватым камнем и сделал пальцами движение, будто поворачивает ключ. Замки и засовы заскрежетали, и дверь открылась.

Хейдин прошел за азорийцем в донжон. Пол первого этажа был усыпан битым кирпичом и обугленными кусками дерева, от мелких головешек до огромных балок. Следуя за Маджари, ортландец поднялся по шаткой деревянной лестнице на второй этаж; настил здесь угрожающе скрипел и раскачивался под ногами, грозя обвалиться в любую минуту. Дальше пришлось подниматься по непрочным мосткам, и у Хейдина дрожали ноги, а на лбу выступил холодный пот. Однако Маджари уверенно шел вперед, и, кроме того, внизу слышался шорох и звуки, напоминающие ворчание.

– Медж, куда мы идем?

– Только не вниз. Там смерть. Возврата не будет.

Сердце у Хейдина екнуло, но ответить было нечего. В конце концов, что бы ни ждало его на вершине башни, это лучше, чем та жизнь, которую он вел последние десять лет. То, что случилось между ним и Ивис – еще один повод уйти от этой жизни любой ценой.

Верхние помещения башни просто кишели нетопырями. Они метались в темноте, хлопали крыльями у самого лица Хейдина, и он слышал их противный писк. Пронизывающий ветер дул в щели кладки. Хейдин продолжал подниматься, удивляясь тому, что лестница, по которой они идут уже долгое время, никак не хочет заканчиваться. Опять магия? Хейдин давно смекнул, что Медж Маджари не простой рыцарь. С того самого момента, как они вчера встретились в замке Виан.

* * *

Двенадцать деревянных мечей были изготовлены мастерски. И даром, что оружейникам было от десяти до тринадцати лет. Некоторые даже умудрились придумать девизы, которые и вырезали на буковых и березовых клинках. Один из них особенно понравился Хейдину. «Кровь врагов я лью, как воду» – совсем недурственно и для всамделишного клинка. За такой девиз иной воин выложит поэту немалые деньги.

Автор девиза вместе с одиннадцатью другими мальчишками сидел на циновках, брошенных на пол превращенного в фехтовальный зал коровника, и ждал, что скажет учитель.

– Совсем недурно, мастер Эрни, – сказал Хейдин. – Однажды ты прославишь себя как славный витязь или отличный оружейник. Да и прочие мечи превосходны. Вы хорошо потрудились, мальчишки.

Напряженные детские рожицы расплылись в довольных улыбках. Сейчас начнется самое интересное – бой на деревянных мечях. Ради этого мальчишки Виана были готовы не уходить из старого коровника сутками. Они уже предвкушали, как будут рубить своими мечами кожаное чучело в углу, самую настоящую и настрадавшуюся от них китану, или отрабатывать удары на мишенях из дерева, развешанных по стенам коровника. Но сегодня их ждал настоящий сюрприз.

– Вот уже неделю мы с вами, парни, колотим китану палками и учимся держать дыхание, – сказал Хейдин, начиная урок, – но уважать меч тоже нужно учиться. Хочешь научиться уважать оружие – поддержи его в руках, ощути его тяжесть, его силу и надежность. Сегодня поучимся уважать боевую сталь!

Хейдин развернул длинный и тяжелый сверток, принесенный из замка, – и мальчишки ахнули, повскакивали на ноги, бросились к столу, чтобы увидеть эти чудесные клинки. Но Хейдин велел им сесть.

– Это хорошо, что вам интересно, – заметил он, – но учитесь дисциплине. Кто вам позволил вставать? Никто. Сначала порядок, потом все остальное. По-другому не бывает. Настоящий воин умеет многое, но главное, что он должен научиться делать – это подчиняться. Ясно?

– Да, мастер, – пронеслось по коровнику.

– Отлично. А теперь смотрите, – Хейдин взял первый меч, короткий и обоюдоострый, в простых ножнах из бычьей кожи. – Это вемлер. Кто знает, какой воин сражается вемлером?

– Пехотинец, – сказал рыжеволосый сын овчара Уго.

– Верно. Это оружие пехотинца, потому что им очень удобно драться в тесном пространстве или в сомкнутом строю. Он короткий, всего два фута, но удар такого меча легко пробивает кольчугу. Такому оружию я бы доверил свою жизнь. Это очень хороший меч.

– Мой папа, когда служил в войске императора, сражался таким вот мечом, – заявил курносый Альмер.

– Теперь взгляните на это оружие, – Хейдин положил вемлер на стол и взял другой клинок с широким и тяжелым лезвием и круглой гардой. – Кто же может сражаться таким вот оружием?

– Конник, – предположил Уго.

– Н-е-е-е! – замотал головой Рой, сын деревенского старосты. – Коннику нужен длинный меч. Таким он из седла никого не достанет.

– Верно, парень, это не кавалерийский меч. Это сквел, меч горцев Хэнша. В горах много вещей на себе не потащишь, и сквел заменяет мужчинам Хэнша и охотничий нож, и топор и ледоруб. Но в первую очередь это, конечно, меч. Каждый сквел имеет свое имя. Когда у волахов рождается мальчик, для него делают особый сквел. Волахи верят, что в сквеле живет душа воина.

– А как этот меч попал к вам, мастер Хейдин? – поинтересовался Йот, самый старший из учеников. Йоту уже тринадцать, и он работает подмастерьем у сапожника.

– Долгая история, я вам потом расскажу. А это моя гордость, мой собственный кристан! – Хейдин бережно взял в руки длинный прямой меч с крестообразным эфесом в сафьяновых ножнах. – Такими мечами дерется наша лаэданская конница и нет ей равных! У таорийцев на севере похожие клинки, да и наши соседи на Западе, гормианцы и роширцы предпочитают кристан любому другому мечу. Этот меч со мной уже двадцать лет, и я люблю его всей душой. Он не раз спасал мне жизнь.

– А какой из мечей самый лучший, мастер Хейдин? – спросил Йот.

– Каждый хорош по-своему, дружок. Для определенного боя.

– А есть ли меч, который самый лучший? – не удержался Альмер. – Тот, который лучше всех, самый-самый?

– Наш любопытный Альмер хочет услышать о Мече скроллингов, – усмехнулся Рой.

– Меч скроллингов? – Хейдин пожал плечами. – Мне приходилось о нем слышать. Очень давно, когда я был солдатом в Приграничье. Мне рассказывал о нем один старый кавалерист, который много повидал и побывал в разных местах. Он говорил, что видел Меч скроллингов, Воинов Свитка.

– Враки! – не выдержал Рой. На него зашикали, но Хейдин только улыбнулся.

– Может быть, – сказал он. – Но Йорман ди Торп, тот человек, о котором я говорю, описал мне этот меч, и я сравнил его описание с тем, что вычитал сам в старинных книгах. Меч скроллингов, или Меч Свитка отковали сиды еще во время Первой Северной войны, и он хранился в их столице Мейховоейне. На языке тэлосских сидов меч называли Ро-Руэда – Удар Грома. А вот потом король сидов Джарнах подарил меч Великому Видящему Воинов Свитка Риману ди Риварду.

– А правда, что меч у сидов называется хейхен? – спросил Дан, сын трактирщика.

– Правда. Сиды были во все времена хорошими оружейниками. Лишь они могли выплавлять особую черную сталь, которую называют виллехенской. Только таорийские и лаэданские клинки могут соперничать по качеству с оружием сидов.

– Потрясно! – вздохнул Альмер. – Вот бы мне такой меч! Я бы что хочешь за него отдал. Даже мой охотничий нож.

– Ха, сказал тоже – охотничий нож! – фыркнул Рай, закадычный друг подмастерья Йота, тощий мальчишка со злыми глазами. – Твой нож полное барахло. И не нож даже, а так себе, ножичек из дешевого железа. Верно, какой-то кузнечишка-бухарик ковал за кружку браги.

– Неправда! – возмутился Альмер. – На моем ноже есть клеймо мастера, а ножны у него из настоящей тисненой кожи. Да я этим ножом подковные гвозди рубил, как щепки!

– Тише, тише! – вмешался Хейдин, подняв руки и повышая голос. – У Альмера хороший нож, я это подтверждаю.

– Но он не стоит меча Ро-Руэда! – ввернул злой Рай.

– И это верно. Меч Ро-Руэда – волшебный талисман, и цена его неизмерима. Даже тому, кто его увидит, считай, повезло.

– И он дает непобедимость в бою, ведь так? – поинтересовался Уго.

– Может быть. Но я думаю, что непобедимость в бою дают отвага и умение владеть оружием. Хороший воин не должен полагаться на чудеса. Он должен упорно учиться владеть оружием, и тогда любой меч в его руке станет Мечом скроллингов. Давайте лучше заниматься. Разбирайте ваши мечи!

– А вы, мастер Хейдин, так ли хорошо сами владеете мечом, чтобы учить других? – вдруг спросил Рой. – Вы ведь не рыцарь и даже не лаэданец. Вы рутан. Язычник.

В коровнике стало необычайно тихо. Хейдин и прежде знал, что староста ди Массар его недолюбливает. Но заразить своей неприязнью мальчишку!

– Верно, парень, я не рыцарь, – с улыбкой сказал он. – Я простой воин, служил в конной разведке много лет. И я ортландец, чем очень горжусь. Когда лаэданцы были дикарями, мои предки уже умели строить каменные крепости, ковать железо и лить бронзу, выдувать стекло и выращивать виноград, печь дрожжевой хлеб и прокладывать дороги. Блаженной памяти император Хейлер призывал своих соплеменников-лаэданцев учиться у нас, а другой великий император Дана Завоеватель мечтал пополнить в свою армию ортландскую пехоту. В те суровые времена ортландские копейщики и лучники покрыли себя не меньшей славой, чем лаэданские конные рыцари. А что до моего язычества, то еще пятьсот лет назад владыки Лаэды даровали моему народу право исповедовать веру предков. Когда-то мой пращур Хейдин Серый Лис принял веру в Единого и даже обратил в нее весь свой дом, но его внуки Гаммер и Видвин снова

стали язычниками. До сих пор боги моего народа помогали мне. Что же до моего умения владеть мечом, сын старосты, то этому искусству я учился не на китане и не в коровнике, а на поле боя, и, видят боги, овладел им неплохо, поэтому жив до сих пор. Если же ты, Рой, сын ди Массара, считаешь, что я недостаточно хорош для тебя как учитель, можешь ступать на все четыре стороны. Думаю, твой отец, почтенный староста Виана, владеет оружием неплохо и сможет научить этой премудрости своего придиричивого сына.

Подростки засмеялись – староста ди Массар, известный в селе обжора и любитель поспать, сроду не держал в руках меча, да и другого оружия тоже. Красный от злости Рой не смог ответить учителю. Хейдин, вполне довольный эффектом от своей отповеди заносчивому и нахальному старостичу, начал урок. Йота и Уго он поставил на отработку ударов в паре, а остальных на мишени и китану. Скоро веселый стук палок наполнил коровник. Наблюдая за мальчишками, Хейдин не заметил, как в коровник вошел Феррин, конюший графа.

– Мастер Хейдин, – конюший не стал тратить времени на приветствия, – велено тебе немедленно явиться к графу.

– Юный граф вернулся? – Хейдин почему-то подумал о сыне графа, но Феррин покачал головой.

– Велено тебя найти, – сказал он. – Приехал какой-то знатный господин, хочет тебя видеть.

Хейдин распустил учеников, которые с устрашающим ревом рассыпались по улице, потрясая деревянными мечами, завернул оружие в рогожу, перевязал ремнями и, взвалив тяжелый сверток на плечо, пошел за Феррином. Пока они шли от коровника до замка, Хейдин пытался расспросить конюшего о загадочном госте, но Феррин сам ничего толком не знал.

– По виду южанин, – только и сказал он. – Смуглый такой, чернявый, а глаза синие. Конь у него на заглядение.

– Смуглый чернявый южанин? – Хейдин задумался, вспоминая, кто из его знакомых подходит под это описание. – И молодой? Вот притча какая, клянусь пряжей Атты!

– Может, у тебя, парень, была интрижка с какой-нибудь смуглянкой в Сабее или Азоре? – усмехнулся Феррин. – Парень-то этот по возрасту в сыновья тебе годится.

Они прошли под аркой ворот мимо крестьян, разложивших прямо на земле принесенные на продажу овощи, фрукты, мотки пряжи и прочий товар, миновали залитый солнцем двор замка и направились к жилой башне. Хейдин заметил привязанного к коновязи жеребца задолго до того, как Феррин обратил на него внимание ортландца. Конь и впрямь был чудесный; на диво сложенный, с тонкими, как камыш, ногами, ладоней пятнадцати в холке, с белой роскошной гривой, заплетенной в косички и огненными глазами. Да и седло со сбруей были достойны коня; Хейдин узнал великолепную работу азорийских шорников. Такой роскоши в Виане не видели давно, и Хейдин ощутил непонятное волнение. Кем бы ни был загадочный гость графа, видно было, что это непростой воин.

Граф и его гость были в трапезной. Слуга как раз наливал им вино, когда вошел Хейдин.

– Вот и наш ортландец! – сказал граф, милостиво кивнув в ответ на поклон Хейдина. – Опять учил мужицких детей мечевой премудрости? Пустое занятие, если не сказать больше.

– Отчего же, милорд, – сказал приезжий, устремив на Хейдина заинтересованный и, как показалось ортландцу, дружелюбный взгляд. – Этой стране нужны воины. Чем раньше юноша начнет учиться военному делу, тем меньше вероятность, что его убьют в первом же бою. Войны, к сожалению, стали привычным делом.

– Я лишь хочу, чтобы дети научились уважать оружие. Меч – спутник честных и благородных людей.

– Ты мастер оружия, верно?

– Всего лишь мой бывший солдат, – ответил за Хейдина граф, – мой мастер оружия скончался три года назад от горячки.

– Но ты, верно, хорошо фехтуешь? – спросил приезжий, не обращая внимания на замечание графа.

– В юности меня обучал таорийский рыцарь Йондур Брео из Лима, – сказал Хейдин. – Было это в Нидариене, где я служил в страже тамошнего князя. Потом... потом я служил уже в лаэданской армии.

– Хейдин давно мне служит, – заметил граф. – Мой сын в нем души не чает. А все потому, что Хейдин умеет найти с ним общий язык.

Ортландец тем временем успел хорошо рассмотреть приезжего. Очень молод, лет двадцати, смуглый и черноволосый, но с фиалковыми глазами. Лицом похож на азорийца, тем не менее на лаэданском языке говорит без малейшего акцента.

– Я всего лишь стараюсь хорошо делать свое дело, – сказал он, слегка поклонившись. – Граф очень преувеличивает мои заслуги.

– У тебя нет своего дома? – вдруг спросил азорец на безукоризненном ортландском языке.

Хейдин вздрогнул.

– У меня был дом, – ответил он тоже на родном языке. – Но это было давно.

– И что случилось потом?

– Война, – Хейдин посмотрел на азорийца. – С тех пор я скитаюсь по свету и не могу ответить на вопрос, зачем я живу.

– Милорд говорит на языке рутанов? – спросил граф.

– Немного, – ответил странный юноша. – В детстве я прожил несколько лет в Гилларене.

– Мой родной город, – вздохнул Хейдин.

– Вина, мой друг? – предложил граф.

– Нет, благодарю. Теперь я могу ответить на ваш вопрос, граф, в чем причина моего визита в ваш замок. Мое имя Медж Маджари, я азорийский рыцарь сейчас направляюсь в Гесперополис ко двору пресветлого императора Лаэды Шендрегона. Слышали ли вы последние новости? Император показал свою божественную силу. Говорят, он умеет воскрешать мертвых.

– Безумно интересно, – сказал граф.

– Миссия моя очень... ответственна, и я не могу рисковать, – продолжал азорец. – Я очень плохо знаю эти места. Простите мне мои слова, но в Лаэде сегодня очень много идет не так, как надо. Ваши дороги стали опасны. Конечно, ваша прекрасная страна спокойнее, чем варварские земли к югу и востоку от Лаэды, но подвергать себя ненужному риску я бы не хотел.

– Однако странно, что милорд путешествует один, без охраны, – заметил ди Виан.

– У меня была охрана. В Теитуме я нанял четырех парней, которым дал неплохой задаток. Однако едва мы пересекли границу, как эти молодцы, дождавшись ночи, забрали мою заводную лошадь, мой чемодан и сбежали. Хвала Единому, никому из них не пришлось в голову резать меня во сне.

– И милорд хочет...

– Чтобы мастер Хейдин меня сопровождал.

– Я? – удивился Хейдин.

– Ты внушаешь мне доверие, – сказал азорец. – К тому же я слышал о тебе от очень уважаемых мною людей.

– И кто же они?

– Человек по имени Карвер ди Бэр.

Хейдин вздрогнул. Медж Маджари упомянул о войне, с которым Хейдин пережил одно очень неприятное приключение. Откуда, о Тарнан, этот чужеземец знает...

– Хейдин, кто такой этот Карвер ди Бэр? – спросил граф, явно заинтересованный развитием разговора. – Ди Бэры очень знатная семья, из старых дворян. Где и как ты мог с ним познакомиться?

– Это очень давняя история, милорд, – ответил, помолчав, Хейдин. – Я никогда о ней никому не рассказывал, потому что мне иногда кажется, что все это мне только приснилось...

Еще до наступления темноты пять человек взобрались на верхушку огромного заросшего сосновым лесом холма. Отсюда в просветы между деревьями было хорошо видно все село.

– Пока нам везет, ребята, – объявил им месьер Карвер ди Бэр, командир их маленького отряда. – Мы нашли их логово, мы выследили их и завтра на рассвете заглянем к ним с визитом. Ни один из вшивых ублюдков не уйдет от наших мечей.

Сказав это, Карвер ди Бэр покрутил пшеничный ус и окинул взглядом свой отряд. Всего четыре человека – следопыт Баш, два горца-волаха – Хапло Черноволк и Хоррит Мышезуб и Хейдин ди Варс-ле-Монкрайт, молодой ортландец, которого Карвер взял себе на службу только неделю назад. Все четверо валились с ног, как и сам Карвер. Шутка ли, чтобы успеть за противником они отмахали за четверо суток без отдыха и почти без сна шестьдесят лиг от перевала Гадир до Вар – Нахта, Черного озера. Четверо суток без огня, горячей пищи и крыши над головой.

Беда случилась неделю назад. Кто-то напал на усадьбу в миле от сторожевой крепости Фейнбар, убил пять мужчин и увел с собой девять женщин и пятнадцать детей – всех, кто был на усадьбе. Найденные трупы были буквально искромсаны на куски. Карвер ди Бэр, помощник коменданта Фейнбара, сам возглавил погоню, взяв десять человек. Следопыт Баш отыскал четкий след, но потом начались неприятности; две лошади утонули при переправе через Самодурку, еще одна сломала ногу. Пришлось спешиться и половину отряда отправить в крепость с лошадьми. Еще один человек пропал при переходе через лес. С Карвером остался Баш, два двужилых дикаря-волаха и тот, от кого месьер Карвер никак не ожидал такой прыти и выносливости – двадцатилетний юноша-ортландец, оруженосец таорийского наемника Йондура Брео. Карвер даже выругался втихомолку; дело-то странное, рискованное, неизвестно еще с кем придется сразиться, а у него под началом одни варвары – брэнноны!¹ Тревога Карвера возросла после тех находок, которые по ходу дела были найдены следопытом.

– Похитителей пятеро, – сказал следопыт, – но они, кажется, совершенно не опасаются погони. Взгляните, месьер; они прошли по мокрой земле, хотя могли бы подняться чуть выше и пройти по отрогу хребта у нас над головой, где их следы на щебне нипочем не разглядеть. Это или глупость, или наглость. И еще странно – все это время они ни разу не развели костра. Никаких следов лагеря или бивака. На работоторговцев не похоже, на грабителей кочевников – тоже. И те, и другие давно бы уже пересели на лошадей и убрались бы с пленниками на юг, в сторону степи, а не лезли бы так упорно в горы. Я теряюсь в догадках, месьер.

Рыцарь мрачнел, сыпал проклятиями. На третий день погони Баш обнаружил кровавые следы на глине у ручья и там же разглядел на ветвях тамариска лоскутья одежды и вырванные женские волосы.

– Одна из женщин пыталась бежать, они догнали ее и убили, – заключил он.

– Ничего, скоро мы до них доберемся, – Карвер заскрипел зубами. – Я на веревке притащу этих ублюдков в Фейнхар.

На холме доели остатки провизии; Баш раздал всем по ломтю хлеба и по маленькому кусочку солонины, а Карвер пустил по кругу свою флягу. В сосняке было холодно, по вершинам деревьев завывал ветер. К утру землю на опушке покрыл иней, и даже привычные к морозу волахи проклинали лесных духов за то, что те мучают их холодом.

Перед самым рассветом Карвер повел свой маленький отряд вниз, к деревне. Когда глаза воинов стали различать не только очертания предметов, но и их цвет, Карвер велел пригото-

¹ Брэннон – презрительное прозвище чужеземцев в Лаэде.

виться к бою. Сам он уже давно обнажил свой меч и держал его в левой руке, а правую положил на перевязь, где в кармашках ждали своего часа метательные ножи-орионы.

– Откуда у тебя такой хороший меч, парень? – спросил он Хейдина, когда юноша обнажил свой клинок.

– Мой господин Йондур Брео подарил мне его, местьер Карвер.

– Царский подарок. Кристан орбанской выделки из светлой таорийской стали со сплетенными змеями на фухтеле у рукояти. Эфес восьмеркой с золочеными дугами и клеймо в виде павлина – гм! Работа мастера Грира Тарди. Твой хозяин балует тебя, парень. Если это не подделка, то твоему мечу цены нет.

– Они в том доме, – вдруг сказал Баш, показав глазами на добротную крестьянскую мызу, окруженную крепким тыном, – я чувствую это. Что-то здесь нечисто, местьер Карвер. Не могу понять, в чем дело, но у меня по шкуре прям ледяной крупой подирает.

– Что это ты? На тебя это непохоже.

– Вот и я о том же. Недоброе у меня предчувствие.

– Пора! – вздохнул Карвер. – Пока они спят, порежем их без лишнего шума.

– Нет! – Баш замотал головой. – Надо посмотреть. Подобраться к самому дому. Я пойду.

– Один?

– Я пойду с тобой, – вдруг сказал Хейдин.

Следопыт недоверчиво хмыкнул, поскреб обросший седой щетиной подбородок.

– Это ведь дело мужское, птенец, – сказал он. – Как бы в штаны не наложить от излишней прыти.

– Коли я наложу, ты подотрешь, – отвечал Хейдин.

Лицо Баша побагровело, но неожиданно следопыт улыбнулся.

– Языкастый шенок! – хмыкнул он. – Видать, у рутанов не учат молодежь хорошим манерам. Ладно, держись за мной, только не проколи мне вторую дырку в заднице своим кристаном.

Они поползли по покрытой изморозью пожухшей траве к чернеющим на фоне рассветного неба домам. Минут через пять добрались к ограде в том месте, где плотный тын из отборных тщательно отесанных кольев сменялся оградой из плетеных лозяных щитов. Баш тихо и быстро прорезал в плетне дыру своим кинжалом и первым вполз в отверстие.

– Сила Единого, это еще что? – вырвалось у него.

Огороженный плетнем участок с трех сторон окружали высокие кусты малины и смородины, уже полностью растерявшие листья. А в центре огорода возвышалась куча в добрую сажень высотой – перемешанные и расколотые кости, ребра, позвонки, черепа людей и животных, гниющие шкуры, темные заскорузлые от крови тряпки, некогда бывшие одеждой.

– Назад! – зашипел Баш, но уже было поздно.

Трупный смрад от кучи перебил новый запах – острый и тошнотворный. Из-за кучи с ворчанием и фырканием поднялась сгорбленная темная фигура. Тварь настороженно поводила остроконечными ушами, потом в сумраке сверкнули белые фосфоресцирующие клыки, горящие нечеловеческой злобой глаза, глянули прямо на Хейдина. Миг – и неведомая тварь перемахнула через груды останков и бросилась на людей.

Баш взвизгнул и ударил чудовище эфесом меча прямо в морду. Левая рука у него оказалась в пасти твари. Раздался хруст, и Баш завопил протяжно и страшно. Но Хейдин уже поборол страх. Удар его кристана развалил череп чудища, как топор полено. В нос юноши ударило такое зловоние, что Хейдина стошнило прямо на бьющуюся в конвульсиях тушу убитого им монстра.

– Помоги мне... – хрипел Баш. – Мать его сука, я, кажется, умираю...

– Что это? – Хейдин вытер мокрый рот рукой, попытался рассмотреть убитое существо.

– Вордлан! Вордлан это, болван траханный! Я... я так и знал, что тут нечисто... Ааааааа!

Свирепый рев заставил Хейдина обернуться. Черная тень молнией метнулась к нему из-за угла дома, другая тень показалась на крыше мызы, прыжками помчалась на Хейдина. Однако злобное рычание вдруг сменилось предсмертным визгом побитого пса: взмахнув мохнатыми лапами, страшилище скатилось с крыши с орионом Карвера в черепе.

Дальше все вспоминалось с трудом. Вордлан бросился на Хейдина, и юноша успел запомнить только смрадную пасть с омоченными слюной клыками. Он всадил свой меч прямо в эту пасть. Вордлан задергался, как пронзенная гарпуном рыба. Вонь была нестерпимая, в агонии тварь опорожнила мочевой пузырь. Хейдин вырвал меч и двумя ударами располосовал вордлана от шеи до пупка. Справа от юноши тонко и страшно закричал Хоррит Мышезуб; клыки вордлана вгрызались в его грудную клетку. Над телом второго горца Хапло Черноволка уже сидела еще одна тварь, раздирая когтями одежду волаха. Мерзкая бульдожья морда с курносом носом и острыми ушами была обращена на Хейдина, черная щетина на загривке торчала дыбом.

Хейдин занес меч и бросился на вордлана. Чудище зафыркало, присело на задние лапы, готовясь прыгнуть. Но прыжок не получился; Карвер рубанул курносую тварь сзади, перебив ей позвоночник. Последний вордлан бросился на Карвера, но рыцарь успел метнуть орион. Разящая звезда угодила твари между глаз, и сраженный вордлан забился в агонии, разбрызгивая кровь и вонючую мочу.

– Сила Единого! – Карвер, переводя дыхание, смотрел на еще дергающиеся трупы, и глаза его были круглыми от ужаса. – Такого я даже вообразить не мог! Надо будет отрубить им головы и отвезти в крепость. Пусть наши посмотрят, что за мразь мы тут порубили.

Хейдин не слушал рыцаря; его снова вырвало, а после стоны Баша привлекли внимание ортландца. Бывшие товарищи Хейдина, горцы Хапло и Хоррит, уже не подавали признаков жизни.

– Чертова невестуха! – ругался Баш, тряся кровоточащей культей. Зубы вордлана отхватили ему руку чуть ниже локтя. – Что вы стоите, мать вашу? Я же кровью истеку!

Карвер рубанул внезапно, сзади, так что голова следопыта будто спрыгнула с плеч и покатилась по земле. Хейдин ощутил такую дрожь в ногах, что вынужден был сесть – все плыло у него перед глазами, и он чувствовал, что вот-вот лишится чувств.

– Ты не ранен? – Карвер внимательно осмотрел юношу. – Не стоит так глядеть на меня, парень. Баш был обречен, и я оказал ему услугу, избавив от страданий. Укушенный вордланом сам становится вордланом, или ты этого не знал?

– Я... я даже не думал, что такое вот может быть, – заикаясь, выдавил Хейдин. Голос его звучал странно, нервный спазм сдавливал горло. – Я думал, это только страшные истории.

– Ты молодец, парень, – Карвер похлопал Хейдина по плечу. – Ты прикончил двух вордланов. Вытри клинок, не то он заржавеет. И пойдем в дом, может, кто-нибудь еще жив...

В доме Хейдина вырвало еще раз, хотя желудок его, казалось, был уже полностью опустошен; на столе в горнице лежали куски человеческого тела, в большом очаге белели обглоданные кости – тоже человеческие. В запертом амбаре нашли шесть женщин и все пятнадцать детей. Карвер внимательно осмотрел их, отыскивая следы от укусов, но, к счастью, больше никого убивать не пришлось. Женщины и дети были так запуганы, что не верили в свое освобождение. Затем воины втащили в дом тела погибших товарищей и вордланскую падаль, и Карвер поджег кровлю мызы.

– Когда-то этих тварей в Харланских горах было множество, – рассказывал он Хейдину, пока разгоралось пламя. – Потом жрецы Единого и имперские охотники истребили их, но вот, поди же ты, опять завелась проклятая нечисть! Плохой знак – Тьма опять наползает на наши земли. Жаль Баша, славный был человек и солдат хороший.

– Так ли надо было его убивать?

– Ты осуждаешь меня, – после паузы сказал Карвер. – Осуждай. Убить Баша для меня было ой как непросто. Он ведь прослужил у меня двенадцать лет. Но спасения для него не было. Его ждали нечеловеческие муки Превращения, а потом Вечная Ночь. Магия, порождающая этих тварей, очень сильна. Тебе очень повезло, что вордланы не поранили тебя, что их ядовитая кровь не попала на твои раны...

Огонь охватил дом, толстые бревна затрещали, словно хворост в очаге. Карвер приложил ладонь к сердцу, отдавая последние почести погибшим друзьям, а Хейдин шепотом прочел короткую молитву Оарту, солнечному богу, прося принять души погибших в светлую страну Руанайт. Он так и не сказал Карверу, что в это утро сражался впервые в жизни.

– Как странно! – воскликнул граф ди Виан, не сводя глаз с Хейдина. – Почему ты никогда не рассказывал об этом случае?

– А вы бы мне поверили, господин?

– Клянусь Единым, не поверил бы! Я всегда считал, что вордланы, тэрги, вилканы всего лишь выдумки пьяниц и сочинителей героических песен.

– Вы счастливеец, граф, – сказал Медж Маджари бесцветным голосом и с самой серьезной миной. – Подавляющее большинство людей так же счастливы, как и вы.

– О чем это вы, милорд?

– О магии, милорд. Достойный Хейдин ди Варс-ле-Монкрайт принадлежит к числу людей, перед которыми раскрывается Завеса. Он может видеть то, чего не могут видеть другие.

– Единый, какие сказки вы рассказываете! – засмеялся граф. – Мне думается, что храбрый Хейдин и его доблестные товарищи стали жертвой умелого маскарада, приняв шайку ряженых разбойников за вордланов. Это не умаляет их храбрости и боевого мастерства, но делает всю эту жуткую историю правдоподобной. Разве не так, Хейдин?

– Это было двадцать лет назад, – ответил ортландец. – Мне трудно припомнить все мелочи. Может быть, вордланов и не было.

– Вот видите! – Граф ди Виан позвонил в колокольчик. – Подходит время обеда, и я приглашаю вас, достойный месьер Маджари, отобедать со мной. Сегодня у нас к обеду щавелевый суп с улитками, печеная утка с черносливом и тыквой, пирог со свиной и яблочное желе. Вина вы, конечно, предпочитаете азорийские?

– О, я бы с радостью, милорд, но мне пора ехать. До вечера осталось немного времени, а мне еще до сумерек необходимо успеть в Маре. Если месьер Хейдин не обременен какими-либо срочными делами, мы могли бы выехать прямо сейчас.

Он выжидающе посмотрел на ортландца. Хейдин ответил не сразу. Уже десять лет он безвыездно жил в Виане. За эти годы многое изменилось. Мир за пределами деревни Виан и долины Арно стал другим. Воспоминание о сражении в Харланских горах еще больше убедило его в том, что прежний Хейдин давным-давно исчез во времени. Хейдин умел видеть сущность людей. Он понимал их скрытые желания и видел их порой насквозь. Он редко ошибался в людях. Медж Маджари вызвал у ортландца симпатию, но Хейдин понял и другое – азорец не тот, за кого себя выдает. От чужестранца исходила сила, непонятная Хейдину и оттого вызывающая беспокойство. Таких людей он не встречал много лет. Медж Маджари прибыл в Виан открыть для Хейдина дверь в совершенно новую жизнь, а ведь Хейдину уже сорок, в голове и в бороде обильно серебрится седина и любые перемены страшат.

– Виноват, мой друг, – отозвался граф, – но напомним, что Хейдин мой человек и не может решать вопрос об отъезде с вами самостоятельно.

– Месьер Хейдин ваш должник? – спросил азорец.

– Нет, но...

– Тогда я не вижу препятствий. Месьер Хейдин волен сам сделать выбор, не так ли?

– Конечно, но и вы – хе-хе! – меня поймите. Времена нынче беспокойные, а такой умелый солдат, как Хейдин, стоит десятка молокососов с длинными мечами... Словом, вы понимаете, местьер.

– Назовите вашу цену, – спокойно сказал Маджари.

– Цену? Продать Хейдина? Клянусь Единым, это невозможно.

– Даю двадцать галарнов в день.

Хейдин в который раз за сегодняшний день был изумлен. Сумма, предложенная азорийцем, была чудовищной. В обнищавшей Лаэде за сорок галарнов можно было купить хороший дом, или десять арпанов земли, или десять коров. За двадцать галарнов в день можно было нанять целый эскорт.

– Дорога до Гесперополиса займет у нас не менее двух недель, столько же обратно, – продолжал Маджари, – итого месяц.

– Тридцать дней, – сказал ошеломленный граф.

– Положим, местьера Хейдина в пути задержат непредвиденные обстоятельства, – в глазах азорийца заблестели веселые огоньки, – он захочет остаться в Гесперополисе у какой-нибудь красотки. Я кладу еще месяц, итого тысяча двести галарнов.

Граф замер с раскрытым ртом, будто его поразило магическое оцепенение, и напрасно вошедший дворецкий ожидал разрешения подать обед. Азорец тем временем сам наполнил свой бокал.

– За удачную сделку, – провозгласил он, но пить не стал.

– Вы... заплатите вперед? – Граф с трудом вернул самообладание.

– Конечно, – Медж Маджари извлек из своего поясного кошелька тяжело звякнувший мешок. – Здесь шестьдесят азорийских золотых дракианов, ровно тысяча двести галарнов.

– Вы забыли спросить мое согласие, – внезапно сказал Хейдин.

От ортландца не укрылась та мгновенная злоба, которая вспыхнула в глазах графа ди Виана, уже протянувшего руку к мешочку с деньгами. Но он успел заметить и другое: Маджари посмотрел на него с уважением. Так смотрят на человека, который доказал другим свою состоятельность. Так достигший многого мужчина смотрит на того, кого считает равным себе.

– Клянусь Единым! – воскликнул граф. – Это что еще за нелепые капризы?

– Я еще не дал своего согласия, местьер Маджари, – сказал Хейдин.

– Так дай его, – ответил азорец.

– Я не могу сопровождать тебя, – ответил Хейдин. – Ты платишь за меня цену, которая завышена многократно. Ты мог бы нанять за эти деньги целый эскадрон кавалерии. А я уже стар. В моем возрасте человек уже не боец. Если у него есть семья, он наслаждается покоем и наблюдает, как подрастают его дети, если же он одинок – готовится встретить нелегкую старость. Мои мускулы деревенеют, и по ночам я просыпаюсь от болей в спине и ногах. Стоит мне поупражняться с оружием чуть дольше обычного, кровь в моих ушах стучит так, будто я пробежал от Виана до Маре и обратно. Какой из меня телохранитель? Ты, почтенный местьер, найдешь для себя куда лучшего провожатого за четверть этой суммы.

– Позволь мне решать, кого я хочу видеть рядом с собой, а кого нет, – поспешно ответил азорец, предупреждая гневную речь графа. – Конечно, я могу нанять дюжину молодых ослов, готовых за пару золотых пойти со мной прямо в пасть Харумиса. В этом ты прав. Но мне нужен ты. Ты сейчас брюзжишь, как дряхлая старуха, потому что от сытой и беззаботной жизни стал ленивым и равнодушным, как закормленный пес. Ты думаешь, что книга твоей жизни уже прочитана до конца, но на деле ты дошел до самой главной ее страницы и отказываешься начать чтение. Я выбрал тебя, Хейдин ди Варс-ле-Монкрайт. Готовься в путь.

– Я отнесу оружие в арсенал, – ответил Хейдин и, повернувшись к азорийцу спиной, вышел из трапезной.

Солнечные лучи проникали сквозь узкие витражные окна, плясали на начищенных доспехах спящими зайчиками. Здесь, в фехтовальном зале замка Хейдин почувствовал себя снова легко и спокойно, волнение его улеглось. Он расставил клинки по местам, стер пыль с подставок и прошел в свою комнатку, в которой жил уже десять лет.

Комнатка была маленькая пять на пять шагов, и из мебели в ней разместились только узкая кровать без полога и самодельный стол. Табуреты заменяли два ларя – в одном хранились съестные припасы, в другом одежда Хейдина. Чистота каморки несколько сглаживала ее бедность. Трижды в неделю здесь прибирала Кари, простая деревенская женщина, тайно влюбленная в ортландца. В этой комнате была на виду только одна ценная вещь – меч.

Хейдин покривил душой перед мальчишками – меч, который он показал им, принадлежал не ему. За эти десять лет его Блеск ни разу не покидал пределов комнаты. Граф ди Виан как-то предложил Хейдину за меч двести галарнов, но ортландец сказал, что меч не продается. Графа, впрочем, успокоило обещание Хейдина подарить Блеск его сыну, когда мальчик достигнет совершеннолетия. С тех пор ди Виан больше не заговаривал о Блеске и даже стал относиться к Хейдину с большей теплотой – таорийский меч окупал все расходы на старого язычника.

Хейдин снял меч с подставки, погладил кончиками пальцев лаковые ножны, матово блестящие золотые дужки эфеса, шершавую рукоять. Был у меча один секрет, о котором кроме Хейдина знал только его бывший хозяин Йондур Брео из Лима; в рукоять меча таорийский оружейник Грир Тарди, изготовивший этот меч, вставил чудесный талисман – кусочек рога последнего дракона, убитого в горах Иллина за пятьсот лет до рождения Хейдина. Ортландец видел в этом странное совпадение – ведь он родился в месяц и день Дракона, в час полной луны, когда магия Огня и Золота особенно сильна. Талисман по всем приметам должен был принести ему счастье – но не принес.

Смазанное жиром и отполированное лезвие из светлой орбанской стали казалось скользким на ощупь. Много, много лет назад этот меч в последний раз обагрился кровью. В тот год Хейдин был еще молод и полон сил, ему едва исполнилось тридцать. Еще жива была надежда, что судьба и боги приведут его к счастью и славе, еще сохранялась вера в то, что они с Мело вновь обретут друг друга.

Внезапно светлая печаль наполнила сердце ортландца. Такой близкой показалась ушедшая юность, такими славными минувшие дни. Будто и не было тяжелых испытаний, ран, болезней, сражений, потерь, страданий и тоски. И еще вспомнил Хейдин о том, что с ним происходило.

Он вспомнил, как в руинах Кениэл-Руна видел в Ночь Ночей призраков ортландских королей, всех до единого из правивших в Ниллгаре. Тогда старая ведьма Нулла сказала ему, что однажды он обретет то, что потеряли эти короли. Тогда ему было смешно. Но Нулла никогда не ошибалась, это она сказала ему, что им с Мело не суждена супружеская жизнь.

Он вспомнил, как сражался с живыми мертвецами на Вар-Саире, пытаясь добыть скипетр принца Омета. В ту ночь он едва не лишился жизни. Его спас Карлай, его конь. Сколько лет прошло с тех пор, как Карлай оставил его, отправившись пастись на луга Руанайта? Одинадцать лет. Боги, как же давно это было! У него сейчас есть конь, тоже гнедой и тоже Карлай, но не тот, совсем не тот, что первый.

А еще он вспомнил последнюю ночь, проведенную с Мело. Он вспомнил аромат ее белокурых волос, рассыпанных по плечам, ее поцелуи, нежность ее прикосновений, бархатную теплоту ее кожи, жар ее лона и то блаженное умиротворение, которое владело им, когда после соития они лежали, прижавшись друг к другу, и голова Мело покоилась на его груди, ее пальцы были вложены в его ладони. Казалось, ничто и никогда их не разлучит. Судьба рассудила по-другому, счастливый Хейдин оказался ей не нужен. Когда они расстались, он дал себе клятву никогда не жениться. С той ночи прошло почти семнадцать лет, а он все еще любит ее...

Он одинок. В Виане его считают чужим. Он ортландец, он язычник, он живет не так, как все. У него нет дома, семьи, детей, родины и планов на будущее. Остались только воспоминания и Блеск. И еще у него есть полчаса, чтобы попытаться изменить судьбу.

– Ах, Нулла, Нулла! – прошептал Хейдин. – Клянусь Тарнаном, как бы мне сейчас пригодился твой совет!

Новая мысль захватила его. В ларе с одеждой, на самом дне, лежит все, что у него скопилось за годы службы у графа – тринадцать галарнов. А еще там лежит черная кольчуга, когда-то добытая им в подземельях Кениэл-Руна. Он ее не надевал уже десять лет, а ведь когда-то не снимал ее месяцами.

Вот уже год как он не пользуется зеркалом. Хейдин не хотел видеть, как стареет.

У него есть еще полчаса.

Медж Маджари ждет его. Скоро он уедет. И тогда с ним останутся только призраки. И Блеск уже никогда не покинет своего места на подставке, и кольчуга навсегда останется лежать в сундуке. Потому что хозяину они больше не понадобятся. Кто-то другой будет владеть ими, но не он. Не Хейдин ди Варс-ле-Монкрайт, сын Гаммера, потомка ортландских королей.

Жаркая волна поднялась от сердца, и рассудок подсказал ему, что другой возможности изменить свою жизнь у него больше не будет.

Хейдин вздохнул и начал собираться.

Трактир «Вдова-хохотушка» был не самым большим в Маре, но славился своим вином. Как и предполагал Хейдин, азорийца здесь хорошо знали – хозяин трактира выбежал навстречу Маджари с таким лицом, будто сам император заявился к нему в гости.

– Позаботься о лошадях, Йол, – сказал азорец, опуская несколько золотых монет в протянутую ладонь трактирщика. – И подай ужин в гостевую комнату наверху. В общей трапезной мы ужинать не будем.

– Есть цыпленок с рисом и фасолью, рыба, хороший сыр и свежий хлеб, господин.

– Прибавь кувшин хорошего вина. И учти, через час лошади должны быть вычищены, накормлены и готовы к путешествию.

– Все сделаем. Я лично прослежу, господин.

Следуя за азорийцем, Хейдин прошел через общий зал, где несколько селян, коротавших вечер за кружкой пива, приветствовали их поклонами, поднялся на галерею и прошел в один из боковых коридоров. Слуга отпер дверь комнаты и с поклоном предложил гостям войти.

– Ваш ужин будет через пять минут, – добавил он и ушел, оставив рыцарей вдвоем.

Хейдин осмотрелся. Комната была большая и по местным меркам очень сносная, с большой кроватью, крепкой дубовой дверью и плотно запирающимися окнами. В углу стоял на табурете таз для умывания, и висело на крючке полотенце. Новый слуга внес в комнату шандал со свечами, и сразу стало светлее.

– Господа позволят растопить камин? – осведомился слуга.

– Ночевать мы не будем, – сказал Маджари. – Мы только поужинаем и поедем дальше.

– Мы могли бы поесть и внизу, – заметил Хейдин.

– Могли бы. Но там много ушей. А наш с тобой разговор не должен слышать кто-нибудь еще.

– Воля твоя. И все же я не понимаю...

Маджари приложил палец к губам, и Хейдин подчинился. Вошел слуга с подносом, уставленным едой. Хейдин внезапно ощутил зверский голод; он вспомнил, что с утра ничего не ел.

– Жена Йола прекрасно жарит цыплят, – сказал Маджари, деловито разрезая куриную тушку своим кинжалом. – И вино здесь хорошее. Домашнее, но нипочем не отличишь от настоящего шабюта.

– А ты, месьер? – спросил Хейдин, заметив, что азориец наполнил едой только его тарелку.

– Я не голоден. А тебе надо плотно поесть. Сегодняшняя ночь потребует от тебя сил. Особых сил.

– Воистину, ты говоришь загадками. Что тебе нужно, азориец?

– Коротко этого не объяснишь. Придется тебе послушать. Но сначала выпей вина.

– Вина ты тоже не пьешь, – уже с подозрением заметил ортландец.

Маджари засмеялся.

– Верно говорит сиятельный Риман ди Ривард, что зануднее старого холостяка может быть только другой старый холостяк. Ты мне не доверяешь, друг мой, я это сразу понял. Но ты не прав, ортландец. Я твой друг. Вернее, я тебе не враг.

– Риман ди Ривард? Я слышал это имя. Не он ли возглавляет скроллингов, Воинов Свитка?

– Да, – Маджари сверкнул глазами. – Когда-то Воины Свитка были в этой стране первым и последним судом. Так уж было заведено со времен божественного Хейлера, первого императора Лаэды. Но теперь наступают последние времена, и могущественного ордена больше нет.

– Однако по твоим словам я понял, что глава скроллингов жив.

– Жив, – помолчав, ответил Маджари, – но самого ордена больше нет. Нас осталось всего четверо. Мы ничего не могли изменить в этой стране. Но теперь есть призрачная надежда. Ожидать далее невозможно. По этой причине я и отыскал тебя, Хейдин.

– Проклятье, я ничего не могу понять! Говори яснее, или мои мозги вскипят и выльются из ушей!

– Ты слишком давно живешь в Виане, Хейдин. Ты не знаешь, как изменился мир вокруг. А изменился он в худшую сторону. Воинов Свитка больше не осталось, и некому защитить наши земли от зла.

– О каком зле ты говоришь?

– Заметил ли ты, что зимы становятся холоднее и длиннее, а лето короче? Солнечных дней становится все меньше, и дожди заливают поля Лаэды, губя урожай. Еда дорожает, а вместе с ней дорожает и все остальное. На окраинах империи идут большие и малые войны. Горцы Хэнша подняли мятеж против императора, а на севере в предгорьях Мортвалля и вовсе стало невозможно жить – там свирепствуют банды грабителей и убийц, религиозные фанатики, приносящие человеческие жертвы. Люди отовсюду бегут в центральные области Лаэды, поближе к столице, но и там несладко. Никогда еще в нашей стране не было столько нищих и обездоленных, увечных и страждущих. Сбываются пророчества, записанные в See Avra Nos Beakriff, Текстах Вечной Ночи. Приближается Dhovidann Yahrn – год гибели мира.

– Клянусь молнией Малгара, я уже столько раз слышал эти рассказы, что не верю в них! Говорю тебе сразу – спаситель мира из меня никудышный. Ты бы подошел на эту роль гораздо лучше.

– Скажу тебе, что ты прав, – спокойно сказал азориец. – Но избран ты. Времени на пререкания и пустопорожние разговоры не осталось. В Гесперополисе случилось то, что грозит всем нам страшной бедой. Смотри...

Маджари простер над столешницей руку ладонью вниз так, что Хейдин мог видеть большой зеленоватый камень в его перстне. Вначале ортландец ничего не заметил, но внимательно приглядевшись, увидел, что воздух между рукой азорийского рыцаря и столом начал колебаться, будто нагретый пламенем.

– Сконцентрируй свои мысли, – велел ему Маджари. – Каролит усилит магические свойства твоего разума, и ты увидишь, что должен увидеть.

В колеблющемся мареве показались огоньки – тысячи огоньков. Они наполняли собой тьму и превращали ее в красноватый сумрак, подобный монотонному свечению раскаленных углей. А дальше появились фигуры – причудливые черные силуэты на фоне бушующего огня.

– Ты видишь время, когда боги поделили мир между своими детьми, – говорил Маджари. – Каждому из населявших наш мир творений была дарована особая магия, только Магию Стихий и Времени боги оставили себе. Магию Утренней Звезды и Деревьев получили сиды. Магию Земли и Драгоценных Камней получили гномы. Магию Воды и Серебра получили морские змеи-ормы и водяные девы-мэви. Магию Огня и Золота боги отдали драконам. Люди получили Магию Слова и Битвы. Так было установлено Равновесие Сил...

Хейдин видел необыкновенно яркие картины того, невообразимо древнего мира, когда согласно легендам его народа животные были столь же мудры, как и люди, а боги жили среди людей, помогая им во всем. Картины сменялись быстро, но таково было свойство этих видений, что ортландец успевал все подробно рассмотреть. Поразительные существа из легенд древности проносились перед его взором в вихрях огня и горячего дыма, в клубах облаков, в водоворотах соленой морской пены, и эта невообразимая, никогда прежде никем не виданная игра фантастически ярких красок и образов захватила Хейдина. Он в жизни не видел ничего более великолепного.

Однако фейерверк образов вдруг иссяк, и Хейдин увидел огромную равнину, по которой шли войска – много тысяч всадников под бело-золотыми и черными знаменами. Тяжелая поступь коней сотрясала землю, облако пыли закрывало солнце.

– Это поход, который начал полторы тысячи лет назад божественный Хейлер, первый из императоров Лаэды, принявший веру в Единого, – пояснил Маджари. – Хейлер приказывал разрушать алтари древних богов, и сверхъестественные силы древности мешали ему. Духи и демоны сопротивлялись, начали вмешиваться в дела людей – так было нарушено Равновесие Сил.

У твоего народа, Хейдин, есть прекрасная легенда о Стражах Силы. В глубокой древности добрые и злые боги начали войну, которая грозила уничтожить весь мир. Когда противники встретились для решающей битвы, оказалось, что противостоящие армии равны, и победа будет достигнута великой и кровавой ценой. Тогда боги начали переговоры. Девяносто дней и ночей они спорили, пока, наконец не пришли к решению – каждая из сторон выставит своего поединщика. Исход поединка решит, кто же победил в войне. Со стороны темных сил вышел великий змей Аврадакс, такой могучий и страшный, что один взгляд его испепелял целые страны. Светлые силы выставили против Аврадакса своего поединщика – феникса Аху. Начался бой, и сколько раз великий змей сжигал своим дыханием своего противника, столько раз возрождался феникс. А потом противники сошлись в рукопашной схватке и сражались яростно и самозабвенно. Вся вселенная следила за их поединком. Этот великий бой длился очень долго, почти сто лет. Ни одна из сторон не могла взять верх. Когда же противников попытались развести, оказалось, что они так сплелись между собой, что превратились в одно существо – в дракона. Так именно дракон стал Стражем Силы, потому что добро и зло в нем слито воедино, и нельзя их разъединить...

– Я слышал эту историю, – сказал Хейдин.

– В каждой сказке есть крупица истины. Император Хейлер предложил всем расам подписать Свиток – клятву не использовать магию друг против друга. Уважение к Хейлеру и его победам было так велико, что все расы согласились подписать Свиток. Для хранения Свитка были избраны воины-судьи – их позже назовут скроллингами, Воинами Свитка. Они следили за тем, чтобы в мире не появлялась опасная чужая магия, которая может нарушить Равновесие. Но гармония продолжалась совсем недолго.

После смерти Хейлера началась война далеко на востоке, между царьками двух варварских государств – Гелама и Ворголы. Чтобы одолеть врага царь Ворголы при помощи магов

вызвал в этот мир демонов войны. Черная магия стала применяться и войсками Гелама. В страшной войне погибли оба государства, но дурной пример никого ничему не научил. А вот главная беда была впереди.

Тысячу лет назад один из придворных магов орибанского царя Шасты случайно открыл, что кровь дракона в смеси с некоторыми веществами может продлевать жизнь человека на десятки лет и излечивать тяжелые болезни. Вскоре об этом стало известно по всей империи. Смотри!

Над столом завертелся бледный шар, в котором одна за другой менялись картины. Крепкие загорелые люди в чешуйчатой броне грузят на телеги, запряженные могучими конями, огромные копья со стальными зазубренными наконечниками, тяжелые мотки тетив, детали метательных машин. В этой толпе до зубов вооруженных людей угадываются представители разных рас – смуглые и черноволосые орибанцы и геламцы, светловолосые лаэданцы и роширцы, коренастые гномы, даже сиды с их странной таинственной красотой. И на всех языках мира звучит одно и то же слово: «Драконы!»

– Драконы были неуязвимы для оружия охотников, их защищали скорость, сила, живучесть и прочная чешуя, а еще мощная магия, – говорил Маджари, – но вот их потомство оказалось для охотников легкой добычей. Маги выяснили, что кровь драконьша еще более целебна, чем кровь взрослого дракона и платили за нее огромные деньги...

Хейдин и без пояснений азорийца мог видеть в шаре эту «охоту». Вооруженные охотники с азартными криками били только что вылупившихся детенышей тяжелыми цепами по головам, сокрушали секирами чешую и ребра, чтобы добраться до сердца, ибо, как говорили им маги, именно в самом сердце скрывается лучшая часть драконьей крови. Разоренные гнезда, разбитые яйца, изуродованные тела драконьшей, забрызганные кровью и мозгом скалы и камни – и горящие алчным безумием глаза охотников, уже подсчитавших в уме стоимость добычи, те многие сотни золотых имперских ноблей, что заплатят им за их кровавые трофеи.

– Неужели драконы не пытались защищаться?

– Пытались. Они уничтожили не одну ватагу охотников. Но ты знаешь, Хейдин – люди умеют ждать своего часа. Людей, ищущих крови дракона, были тысячи, а драконов – мало. Последний дракон был убит в горах Иллина на севере Таории через сто пятьдесят лет после начала этого безумия, лет пятьсот назад. Но люди были наказаны за это преступление; со смертью последнего дракона магия Огня и Золота исчезла, и кровь дракона перестала исцелять. Более того, для людей она стала страшным ядом. Равновесие Сил рухнуло.

Исчезновением драконов воспользовались те, кто не получил при разделе Сил магических способностей. Черная магия заполонила империю. Народы больше не соблюдали ограничений. Начались Северные войны между сидами и людьми. Люди применили против сидов «полную войну», начали беспощадно вырубать и жечь леса. В ответ сиды вывели каний, псовлюдоедов. Люди заставили гномов ковать себе оружие, сиды же натравили на гномов диких карликов-горглинов. Война охватила всю империю, в ней погибли тысячи и тысячи жизней, целые области пришли в запустение.

– А где были Воины Свитка?

– Они пытались помочь. Но все их внимание было привлечено к порождениям Темного мира – тем, кто воспользовался исчезновением Равновесия. Появились новые виды магии, самым страшным из которых стала Магия Луны и Крови. Она породила вордланов и прочих страшилищ. Орден сражался с тайными братствами черных магов, и эта борьба шла годы и годы. Мы покончили с нечистью, но это стоило нам таких потерь, что Воины Свитка потеряли все свое бывшее могущество.

Хаос был остановлен, хотя былой гармонии возродить так и не удалось. Вордланов, тэргов, чудовищных животных, все эти порождения злобного разума и магических экспериментов удалось частью уничтожить, часть загнать в такие глухие места, где они передохли сами.

Еще несколько десятилетий Воины Свитка с грехом пополам охраняли мир от потрясений. Но случилось то, чего никто не мог ожидать...

Глава вторая

Говори мне что хочешь, умник, но то, что умерло, не может быть живым. Так уж судили боги, и если твоя недавно умершая жена приходила к тебе ночью и требовала, чтобы ты исполнил супружеский долг – знай, это всего лишь морок! Ничего путного от такой любви не выйдет, помани мое слово!

Аноним. Легенда о храбром кузнеце

Любопытное утреннее солнце заглянуло за тяжелые пурпурные занавеси в огромную роскошную опочивальню императора. Шендрегон Первый, Двадцать Восьмое Воплощение Света, девятый император Запада и наследный принц Востока, проснулся. В следующую секунду справа от императора с улыбкой на губах открыла глаза золотоволосая Тасси, а слева сладко потянулась чернокудрая Вирия. Обе девушки проснулись давно, но хороший тон требовал от них продемонстрировать императору, что они не только спят, но и просыпаются вместе с ним.

– О государь! – Тасси умела говорить замирающим от восторга голосом, ибо до того, как попасть в Красный Чертог, была актрисой. – При свете зари вы еще прекраснее, чем при лунном свете!

– Государь, вы божественны! – добавив в голос страстной хрипотцы, промурлыкала Вирия. – Как светятся в лучах солнца ваши золотые волосы! Прикосновение к вам наполняет мое сердце восторгом.

Шендрегон сложил губы в снисходительную улыбку. Он и без девушек знает, что красив. Даже ручной леопард, привязанный к золотому столбику в углу комнаты, это знает. Наложницы хотят ему польстить – это их обязанность. Они обе хорошо вышколены, эти красотки. И воспитаны. Наверняка им уже попались на глаза стихи придворных поэтов, в которых его сравнивают с богом, на все лады воспевают золотые кудри императора, голубые очи императора, божественное лицо императора и не менее божественную статью императора.

Что ж, они правы. Единый возлюбил императора Шендрегона, как никого. Он дал ему все, что может иметь человек. Император молод, прекрасен, здоров и правит самой могущественной державой, какая когда-либо существовала под солнцем. В его армии пятьдесят тысяч воинов, его сокровищницы полны золота, с ним спят самые красивые женщины со всего мира.

– Что снилось Украшению Мира? – проворковала Тасси, приподнявшись на локте.

– Ты, – Шендрегон стащил с девушки атласное расшитое золотом одеяло, обнажив ее восхитительные формы. – Воистину, нам даровано блаженство, когда мы видим тебя.

– А меня мой повелитель разве не рад видеть? – Вирия сама скинула с себя покрывало, соблазнительно заводя руки за голову и улыбаясь.

– Мы всегда рады тебе так же, как и твоей подруге, моя сладкая. Мы довольны вами обеими. И нам очень трудно решить, какая из вас красивее. Вы славно развлекли нас этой ночью.

– Повелитель хочет еще чего-нибудь? – Тасси как бы невзначай положила руку на низ живота Шендрегона.

– Мы посмотрели бы спектакль, где две актрисы предаются любви. Нам нравится наблюдать за линиями ваших тел.

– К услугам императора, – Тасси обошла ложе и легла рядом со своей товаркой, которая тут же заключила ее в объятия.

Шендрегон, сменив ложе на большое кресло, наблюдал за любовной возней двух девушек, которые стонали и вскрикивали так преувеличенно громко, что ручной леопард в углу поднял морду с передних лап и недовольно заворчал. Но императору зрелище нравилось.

Девушки были восхитительны. Среди его наложниц немало красавиц, но Тасси и Вирия почему-то особенно нравились Шендрегону, особенно когда они вместе – такие разные, как день и ночь. Ослепительная синеглазая блондинка Тасси и грациозная темноглазая и темноволосая Вирия. Кого из них предпочесть? Какая из двух будет первой?

– Скажи нам, Тасси, – сказал он, отвернувшись от девушек, чтобы поиграть с леопардом, – ты любишь нас?

– Так, что и не выразить, повелитель, – ответила несколько сбитая с толку неожиданным вопросом девушка.

– А ты, Вирия?

– Как небо и солнце, повелитель.

Шендрегон заметил, как дрогнули голоса обеих наложниц. Они испуганы, ясное дело. Даже не глядя на них, он это понял.

– Мы не угодили нашему повелителю? – первой опомнилась Тасси.

– О, нет! Ваша игра доставила нам массу радости. Мы лишь хотим знать, насколько вы нам преданы.

– Всей душой, государь! – в один голос ответили обе девушки.

– Тасси, мы говорим – если бы мы сказали тебе: «Пойди, Тасси, и умри за нас!» – ты бы согласилась?

– Да, государь, – с лица блондинки сошла краска.

– А ты, Вирия?

– Да, государь, – голос наложницы вновь дрогнул.

– Какое счастье, что вы у нас есть, – Шендрегон провел по своим локонам, на которых поблескивала золотая пудра. – Я щедро награжу вас. Но сначала мы желаем завтракать. Вместе с вами.

Вышколенные слуги, обозначив свое почтение к величию императора установленным количеством поклонов, внесли в опочивальню ароматную воду для омовения, утренний халат императора и подносы с завтраком: свежим хлебом, мягким овечьим сыром, маслом, фруктами, холодным фазаном под черничным соусом, кунжутными пирожными – всем тем, что гороскоп рекомендовал в этот день на завтрак императору. Вино подали розовое, бетрийское. Пока слуги обтирали божественное тело императора благовонными салфетками и умащали его душистым маслом, Шендрегон смотрел в окно, как утро оживляет Гесперополис, как солнечные лучи золотят огромные белые башни над цитаделью, как отражаются слепящими зайчиками от золоченых шпилей храмов. Издалека донеслись удары колокола – начиналась служба в храмах Единого. Этот звон еще раз напомнил Шендрегону о том, что сегодняшний день будет особенным.

– Не одевайтесь, – бросил он девушкам, – нам будет приятно, если вы останетесь за завтраком нагими.

Слуги, пятясь, исчезли за дверь. Император сел за стол, налил вина. Оно было чуть кислотным и щипало язык. Вот-вот явится Джел ди Оран, великий канцлер. Здорово будет подразнить этого чопорного умника зрелищем такого вот легкомысленного завтрака – император и его любовницы вкушают пищу нагишом, будто звери!

– Мы придумали игру, – сказал Шендрегон, – Сначала выберем угощение для нас. Вирия, подойди к нам!

«Как она все-таки прекрасна, подумал император, глядя на девушку. Когда Шендрегону было семь лет, кормилица рассказала ему сказку про то, как боги сотворили людей. Большинство людей боги вырубали простым топором без всяких затей, вот и получились обычные средние люди, не красивые, но и не уродливые. Других боги аккуратно вырезали ножами и резцами, и вышли у них те, кто чуть поскладнее прочих, помилее и посмазливее. И лишь потом, посмотрев на то, что у них получилось, захотели боги создать совершенного человека – и создали его

из света звезд, бега оленя, огня зари, полета бабочки и запаха цветов. Так появились те, чья красота вызывает восхищение даже у богов.

– И я тоже создан из света звезд, бега оленя, огня зари, полета бабочки и запаха цветов? – спросил он кормилицу.

– Конечно, сыночек.

– А моя мама?

Кормилица молчала, отводила глаза, в которых были слезы. А маленький принц Шендрегон думал, что она плачет потому, что сама некрасивая, толстая и рыжая. А мама – она была красавицей...»

Вирия села императору на колени, обхватила руками его шею, заглянула в глаза. У Шендрегона перехватило дыхание. Какая жалость, что все девушки из высоких домов похожи на эту, как навозный жук на бабочку! Они были бы такой дивной парой на престоле империи. Одному Единому известно, как мог такой восхитительный цветок вырасти в нищих кварталах Гесперополиса, зараженных алкоголизмом, дурными болезнями и преступностью. Правду говорит Жел ди Оран; истинное благо приходит оттуда, откуда меньше всего ждешь...

– Сделаем тебя еще более сладкой, – Шендрегон пролил черничный соус на левую грудь девушки. – Это будет наше угощение. Мы приглашаем Тасси самой выбрать для себя угощение.

– Я уже выбрала, государь, – белокурая наложница с развратной улыбкой приблизилась к императору и опустила на колени меж его разведенных ног.

Как и предполагал император, Жел ди Оран вошел без стука. Он никогда не стучал, такова была его привилегия.

– Доброе утро, государь, – сказал канцлер. Голос у него был негромкий, но всем, с кем заговаривал ди Оран, всегда казалось, что он громко и отчетливо выговаривает каждое слово. Канцлер был в неизменном черном платье без всяких украшений, только эфес хейхена – чуть изогнутого эльфийского меча – заблестел в лучах солнца.

– Вы пришли позавтракать с нами, канцлер? – Шендрегон перестал слизывать соус с груди Вирии. – Присаживайтесь, но предупреждаем, что свои драгоценные столовые приборы мы вам не уступим.

– Государь, ваша... драгоценная посуда слишком хороша для меня. Но коль скоро мы заговорили о ценной посуде, я бы предпочел, чтобы за завтраком мы пользовались предметами, лишенными речи и слуха.

– Вполне уместное замечание... О, Тасси, мы получили все, о чем могли мечтать, и очень довольны! Вирия, ты тоже свободна. Наш милый канцлер не ценит женской красоты, оттого у него так много времени на государственные дела.

– Государь, вы их слишком балуете, – сказал канцлер, когда девушки выскользнули из опочивальни через низкую дверь в дальней нише комнаты.

– Нам всего двадцать, и нам нравится предаваться плотской любви с ними. Они восхитительны, не так ли? Мы желаем не расставаться с ними, пока они не состарятся. Но если хотите, я могу подарить Тасси вам. Она очень искусна в любви.

– Это слишком щедрый дар, государь. Боюсь, девушке со мной будет скучно.

– И нам без нее, пожалуй, тоже будет скучно.

– Значит ли это, государь, что вы сделали выбор?

– Мы долго думали, – Шендрегон почесал переносицу, – и выбрали Вирию.

– Я понимаю ваш выбор. Это право Бога и императора – выбирать. Девушка прелестна. Однако позволю себе заметить, что другая девушка тоже очень достойная кандидатура.

– Ах, Жел, мы тоже в сомнении. Но Вирия нам нравится больше. То, что мы с ней сделаем, даст ей вечную молодость и красоту, что нам по душе. А потом, может быть, мы сделаем то же самое с Тасси.

– Уж не влюбились ли вы, государь, в эту девицу?

– Мы выше того, чтобы отдать свое сердце только одной женщине, – Шендрегон наконец-то облачился в шелковый затканый серебром халат, завязал пояс. – Выпейте вина, канцлер. Я приглашаю вас разделить с нами наш завтрак.

– Благодарю, государь, но я не голоден. Будет лучше, если я займусь тотчас же приготовлениями к церемонии.

– Джел, – молодой император положил канцлеру руку на плечо, – рассейте наши сомнения. Мы волнуемся. Мы помним слова из Книги Единого: «Всякий, кто назовет себя Богом, отвержен от Меня и пойдет во Тьму». Мы много думали над этими словами, и они нас беспокоят.

– Государь, буду с вами откровенен, – Джел ди Оран взглянул юноше в глаза, – Единый уже давно не объединяет земли империи. В южных землях свои боги, вернувшиеся из прошлого идола, а жрецы Единого только делают вид, что их положение так же прочно, как и при императоре Хейлере.

– Однако это ересь, – задумчиво сказал Шендрегон. – Нам по душе быть живым Богом. Это превосходно. Пусть чернь видит, что мы наделены властью, превосходящей человеческое разумение. Однако нас беспокоят жрецы Единого и... пророчества.

– Государь, жрецы Единого напуганы тем, что творится в стране. Я уже беседовал с первосвященником, и он знает о том, что должно произойти. Вы вспомнили Книгу Единого – я же сошлюсь на пророчества Вейгара, о которых редко говорят даже жрецы. В них говорится, что девятый император девятой династии, наделенный чудесной силой, вернет империи то могущество, которое она утратила.

– Утратила?

– Империя уже не та, какой она была при вашем великом прапрадеде Дане Завоевателе. Рутаника, Гормиана и Рошир сегодня уже формально входят в империю. На юге мелкие государства, где царят нищета и хаос. На севере, в Мортвалле бесчинствуют разбойники и сектанты. Непокорные горцы Хэнша продолжают нападать на имперские отряды. Да и в центральных провинциях неспокойно – год выдался неурожайный, хлеб и прочие продукты дорожают, и ваш народ озлоблен. Крестьяне стали наглыми и дерзкими, и даже в знатных семьях говорят такое, что иначе как крамолой и не назвать. Надо ли говорить, что в такой обстановке император должен быть жестким и решительным? Все ждут от вас чуда – так сотворите его. Ваш предок божественный Хейлер объявил себя наместником Единого на земле – пойдите дальше! Станьте живым Богом!

– Мы назовемся Богом. Но поверят ли нам?

– Поверят. То, что случится сегодня, заставит всех маловеров поверить в юного и прекрасного Бога, – Джел ди Оран улыбнулся. – Главное, чтобы вы сами верили в то, что делаете это для блага империи и народа.

– Мы верим. Мы вполне доверяем вам, канцлер.

– Я польщен, государь, – канцлер поклонился. – Заканчивайте ваш завтрак и помните, что сегодня в полдень над империей взойдет новая звезда – звезда Шендрегона. К вечеру в Гесперополисе не останется ни одного человека, который не произносил бы с благоговением ваше имя.

– Мы будем готовы к полудню.

– Значит, решено, – ди Оран остановился у столика, провел пальцем по сияющей на солнце золотой тарелке, будто хотел оставить на ней какой-то замысловатый знак. – Сегодня вы исполните пророчество и спасете империю.

Дверь, через которую Тасси и Вирия покинули спальню императора, вела в небольшую комнатку, куда наложниц приводили по повелению правителя дворцовые распорядители. Здесь девушек готовили для восхождения на императорское ложе – одевали или, наоборот, разде-

вали, причесывали, гримировали, умащали благовониями. В комнатке обычно дежурила специальная прислуга, но на этот раз в ней было пусто. Тасси и Вирия сами надели свои платья и расстались, не прощаясь – девушки друг друга недолюбливали. До появления в Красном Чертоге Вирии Тасси была фавориткой императора и теперь чувствовала, что Шендрегон к ней поостыл, увлеченный новой наложницей. Тасси искусно скрывала свою ревность и свою неприязнь при императоре, но наедине с Вирией своих чувств к ней не скрывала.

Ну и провались ты, подумала Вирия, когда бывшая актриса вышла из комнаты, мазнув по сопернице уничтожающим взглядом. Подумаешь, принцесса. Вирия кое-что успела узнать о блондинке – во дворце ей рассказали, что отец Тасси, прогоревший на какой-то крупной афере торговец, отдал дочку за долги своему кредитору, а тот, натешившись, продал ее своему другу. Так и начала будущая императорская наложница ходить по рукам, пока не оказалась в театральной труппе. Владелец труппы женился на ней, и Тасси стала актрисой. Таланта у нее особого не было, но роскошные золотые волосы, томный взгляд, пышная грудь и длинные ноги Тасси собирали на представления с ее участием мужчин со всего Гесперополиса. Впрочем, Тасси недолго там задержалась – через год она ушла от мужа к гвардейскому офицеру; так она попала в Красный Чертог. А там уже император, большой любитель красивых женщин, обратил на нее свое высочайшее внимание.

Когда во дворце появилась Вирия, Тасси сразу разглядела опасную соперницу. Красавица-блондинка, сама щедро наделенная красотой, сексуальностью и обаянием, не могла не увидеть, что только новенькая может с ней сравниться, хотя среди многочисленных наложниц Шендрегона дурнушек не было вовсе. Она решила не спешить, действовать расчетливо и умно, чтобы отдалить Вирию от императора. И ей удалось в свою очередь кое-что разузнать о Вирии.

Новая пассия императора когда-то была сироткой-замарашкой из портовых трущоб Гесперополиса. Родителей своих девушка никогда не видела: единственным близким ей человеком была воспитавшая ее старая ортландка Хорла, тощая, сильная, вечно пьяная и злая, как вордлан. В Заречном квартале, где располагалась добрая половина городских кабаков, борделей и игорных домов, весь обитающий здесь разгульный разношерстный сброд относился к Хорле со странным почтением, будто старуха была не обычной пьяницей, а чуть ли не графиней. Старуха нигде не работала, но у нее всегда водились деньги. Детство Вирии прошло в добротном доме, хоть и окруженном жалкими лачугами бедняков, но крепком, чистом и просторном. Хорла всегда покупала хорошую еду, свежее мясо, фрукты и вино, порой делала девочке дорогие подарки – новое льняное платье, кожаные сандалии, коралловые бусы. Когда Вирии исполнилось тринадцать лет, и разбитные матросы начали ей подмигивать и приглашать с ними прогуляться, Хорла заявила ей, чтобы она и думать об этом не смела, что убьет ее, если она начнет таскаться с взрослыми мужиками. Вирия сама рассказала Тасси, как старая карга однажды жестоко избила ее черенком от метлы только за то, что Вирия помогла их соседу, толстому и веселому мастеру Гораму, дотащить с рынка корзину с овощами.

– Запомни, сучка, – сказала Хорла, когда сил продолжать побои у нее не осталось, – если еще раз увижу, что ты кокетничаешь с мужиком, напущу на тебя порчу. У тебя выпадут зубы и волосы, и проказа покроет твою кожу язвами, в которые будет проходить кулак!

Сказав это, старуха пошла в трактир, а Вирия всю ночь тряслась от ужаса под своим одеяльцем. Однако не прошло и полугода, как Хорла внезапно умерла от пьянства. Вирия так и не узнала, почему старуха так жестко ограждала ее от внимания мужчин. Наверняка тут была какая-то тайна, но Хорла унесла ее с собой в могилу.

Со смертью старухи пришла нужда. Два года Вирия прожила у старьевщика Амона, собутельника старой Хорлы, работая в его лавке. Дом был жалкий, сырой, грязный и полный крыс. Местные парни постоянно ухлестывали за ней, но Вирия боялась их ухаживаний. Всякий раз, когда появлялся очередной поклонник, она вспоминала о Хорле, о ее словах. Потом она сбегала от Амона. Ей было уже пятнадцать, и по меркам Заречного квартала она была взрослой

женщиной. В порту Вирия попыталась купить место на корабле, посулив азорийскому матросу серебряный галарн – все, что ей удалось накопить. Азориец взял деньги, назначил время и место, куда ей следовало прийти. Она пришла, и три разогретых вином азорийца схватили ее и потащили на галеон. Тогда ее спас Неллен ди Рейф. Но о нем Вирия своим товаркам по Красному Чертогу уже ничего не рассказывала.

Неллен был очень молод, красив и статен – настоящий дворянин, потомок знатного рода ди Рейфов. Они полюбили друг друга с первой минуты, и Вирия будто попала в волшебную сказку. Возлюбленный снял для нее дом в южной части города, среди фруктовых садов, нанял служанку. В этом домике они стали мужем и женой – тайно, без благословения родителей Неллена. Но Вирии это было все равно. Она любила своего Неллена, а он ее просто боготворил.

Вот тогда-то впервые в ее жизни и появился этот странный жрец, Гармен ди Браст. Он вошел во двор ее дома в канун большого праздника – коренастый, бритоголовый, крепко сбитый, с внимательными темными глазами. Вирия дала ему галарн. Жрец деньги принял, пристально посмотрел на нее и сказал.

– Ты давно не была в храме, сестра. Возблагодари Единого за то, что он пока еще защищает тебя.

– О чем ты? – спросила Вирия.

– О твоей красоте. У тебя роскошные волосы, пушистые и густые, глаза косули, нежное лицо и тело, словно выточенное из слоновой кости. Ты есть совершенное создание Единого, сестра. Такой красавице нужна опора в жизни. Вряд ли те, кто тебя окружает, будут любить тебя искренне и бескорыстно. Мужчины готовы отдать целое состояние за ночь любви с такой красавицей, но на заре бегут от нее, точно она поражена проказой.

– Зачем ты все это мне говоришь? – возмутилась Вирия. – Эта болтовня тебя недостойна, жрец. И тон мне твой не нравится. Я порядочная девушка и скоро выйду замуж за любимого. А ты расхваливаешь мою красоту, будто я продажная девка с Улицы Пороков!

– Я лишь сказал правду.

– Мне она неприятна, – Вирия сверкнула глазами. – Не суди всех мужчин по себе, жрец. Если у тебя моя красота вызывает грязные мысли, молись Единому. Мой возлюбленный не такой, как ты. Он молод и прекрасен. Он любит меня, и мы будем очень счастливы!

– Любит тебя? Конечно. Он славный юноша. Но тебя накрывает черная тень. Скоро твоя судьба сделает резкий поворот. Должно случиться много событий, плохих и хороших. Ты найдешь новую любовь – настоящую любовь, Руменика.

– Руменика? – ахнула Вирия. – Ты назвал меня...

– Руменика.

Ну, теперь все ясно, подумала Вирия, облегченно вздохнув. Сумасшедший жрец перепутал ее с другой девушкой. Нечего его слушать, плетет всякую ерунду.

– Ступай, братец, – сказала она ему. – Ты смешон, и слова твои пустая брехня. Не приходи сюда, не то велю собаку спустить.

Жрец покачал головой и ушел. А она вернулась в дом и весь вечер ждала Неллена: утром он пообещал ей, что к праздничному ужину обязательно будет у нее. Ждала, представляла себе, как они будут говорить друг другу нежные слова, обнимать и целовать друг друга, а потом поднимутся в спальню и будут всю ночь предаваться любви.

Неллен не пришел ужинать. Он не пришел до полуночи, и утро Вирия встретила в одиночестве и недоумении – впервые ее возлюбленный не сдержал обещания. А потом пришел офицер городской стражи и все ей рассказал.

Убийц Неллена так и не нашли: говорили только, что это дело рук контрабандистов, которым молодой офицер чем-то насолил. Вирия не помнила, что происходило с ней в те дни; наверное, она была не в себе. Ее память почти не сохранила подробностей тех дней отчаяния и горя. Неллен умер, все остальное не имело никакого значения.

На десятый день после похорон пришел владелец дома. Платить за наем дома было нечем, и Вирия отдала свои драгоценности. На три месяца ее оставили в покое, потом хозяин явился снова на этот раз вместе с судейским чиновником. Вирия молча наблюдала, как чиновник описывает ее имущество.

– Семь дней, – сказал ей хозяин. – Через семь дней я выгоню тебя, шлюха, если не заплатишь мне пятнадцать галарнов.

Вирия молчала. Из описанного имущества только подаренный ей Нелленом ларец для украшений с дивной инкрустацией стоил двадцать галарнов, но это уже не имело никакого значения. Денег у нее не было.

– Однако я могу и передумать, – хозяин наклонился к ее уху, заговорил шепотом. – Немного твоего внимания, и я готов отсрочить платеж.

– Пошел к вордланам, пес, – ответила Вирия безразличным голосом.

Домовладелец злобно сверкнул глазами, нарочито медленно прошествовал к дверям. Судейский поплелся за ним следом, запихивая в свою сумку исписанные бумаги. После их ухода девушка долго сидела в оцепенении, потом собрала самые необходимые вещи – все, что осталось у нее от прежней жизни. Дом, в котором она была так счастлива, стал чужим, постылым и страшным.

Вирия посмотрела в зеркало – по стенам тайной комнаты для наложниц были развешаны огромные драгоценные зеркала, каждое стоимостью в приличную деревню, – и подумала, что в те дни ее можно было бы назвать красавицей только в издевку. Она нашла приют в семье бедного купчика из Нижнего города, где ухаживала за тремя детьми и больной женой хозяина. Так прошел еще год. А потом... потом ее нашли. За ней явился не кто-нибудь, а капитан императорских Красных плащей с конной охраной, экипажем и предписанием доставить «ярчайшую звезду Гесперополиса» в Красный Чертог. Так началась третья жизнь Вирии – жизнь императорской любовницы. Она не знала, как и откуда узнал о ней император, но она взошла на его ложе – и император остался ею очень доволен. И эту новую жизнь она приняла, как должное.

– Жизнь, о которой можно лишь сожалеть, – сказал ей голос.

Вирия вскрикнула и закрылась руками, на миг забыв, что уже надела платье – в зеркале отразился Гармен ди Браст, стоявший за ее спиной.

– Ты? – Вирия обернулась, встретилась со жрецом взглядом. – Как ты сюда попал?

– Так же, как и ты. Императору нужны лучшие. Меня он ценит за мое умение толковать священные тексты. От тебя ему нужно нечто другое.

– Решил поучать меня, жрец? – Вирия говорила презрительным тоном. Но лицо у нее почему-то загорелось. – Где ты был, праведничек хренов, когда меня выгоняли на улицу, когда у меня оставался только один способ выжить – торговать собой в городском порту? Император взял меня в свой дом. И я выполняю перед ним свой долг. Каждый служит императору как может. В плотской любви нет ничего постыдного или срамного.

– Я говорю не о любви. Я объясню тебе позже. Сейчас следуй за мной. И побыстрее, времени у нас немного. До полудня осталось всего четыре часа.

– О чем это ты, братец?

– Тебе надо покинуть дворец.

– Ты спятил, жрец! С чего это я должна покидать дворец? И что скажет император, если я уйду отсюда без его позволения?

– Скоро тебя начнут искать, и тогда будет поздно.

– Эй, святейший, что-то ты темнишь! Куда мне идти? На улицу? У меня нет дома, нет семьи. Нет близких, нет никакого имущества и ни галарна за душой. Да кому я буду нужна, кроме вонючих матросов и похотливых стариков, таскающихся по притонам?

– Твоя жизнь в опасности, – Гармен взял ее за руку, и она почувствовала, что его пальцы холоднее льда. – Идем! Я выведу тебя. Нас уже ждут.

– Никуда я не пойду! – Вирия вырвала руку. – Проклятый колдун! Ты уже накаркал несчастье с моим Нелленом. Если бы не ты... Убирайся, пока я стражу не кликнула!

– Пойми, Вирия, тебе грозит... большое несчастье. Только немедленное бегство спасет тебя. Только бегство. Нам нужно спешить.

Вирия уже открыла рот, чтобы послать этого сумасшедшего ко всем демонам, как вдруг сердце ее дрогнуло. Она внезапно вспомнила те странные вопросы, которые задавал ей и Тасси император сегодня утром. Он говорил о самопожертвовании, о любви и о смерти. Не в этом ли дело?

– Мне грозит немилость императора? – спросила она. – Смерть? Ну, говори же, забери тебя холера!

– Не смерть, – жрец перешел на шепот. – То, что много хуже смерти. Об этом нельзя говорить, особенно в этих стенах.

– Почему?

– Потому что нас могут услышать. Что ты видишь в этом зеркале?

– В зеркале? Я вижу двух человек – себя и сумасшедшего, который пытается меня убедить в...

Точно могильным холодом вдруг обдало Вирию. Мысли были парализованы, язык отнялся, мертвенная ледяная волна накрыла ее. И Гармен ди Браст был здесь ни при чем. Ей показалось, что из пустоты зеркала, где отражались до сих пор лишь они со жрецом, комната да огоньки горящих свечей, на нее вдруг глянуло что-то, чему не было названия. Посмотрело пустыми глазницами мертвого лица, взглядом существа, ненавидящего все живое, согретое солнцем и имеющее дыхание. Такого ужаса ей еще не приходилось испытывать никогда.

– Что это? – с трудом пролепетала она, пытаясь сделать вдох; чувство обреченности и страх смерти отняли у нее дыхание.

– Ты ничего не знаешь, – Гармен потянул ее за руку к двери. – Зло уже здесь, среди нас. Ты почувствовала его присутствие, я увидел это по твоему лицу.

– Но что это?

– Жизнь-в-Смерти. Судьба, которая тебе уготована. То, что уже началось. Есть лишь одно спасение – бегство. Идем!

Вирия даже представить себе не могла, что у Красного Чертога столько помещений. Ей было неизвестно, что верхние этажи громадного дворца, где ныне жил император, его родня и где находились многочисленные покои его придворных, залы, приемные, библиотеки, трапезные, комнаты для отдыха и развлечений, служебные помещения и все прочее, что в просторечии именовалось Красным Чертогом, были построены лишь сто десять лет назад на мощном фундаменте гигантского замка, построенного еще сыновьями легендарного Хейлера Праведника. Сейчас Гармен ди Браст вел ее в эти неизвестные катакомбы.

Они спустились по лестнице мимо орибанской стражи с ее вызолоченными бердышами, потом оказались в том приделе дворца, где находился дворцовый храм. Впустив в молельню Вирию, Гармен запер за ними двери, провел девушку по нефу к алтарному возвышению и здесь пригласил ее войти в небольшую комнатку, где запалил от мазницы несколько ламп. Вирия увидела почти пустое помещение и с вопросом посмотрела на жреца.

– Вот, – ди Браст показал на лавку, где лежала аккуратно сложенная одежда. – Придется тебе снять свой наряд.

– Переодеться? Зачем?

– Делай, что говорят.

Сказал – и вышел. Вирия, помедлив немного, стянула с себя влажное и пропахшее потом платье. В комнате было тепло, но ее лихорадило, к горлу подступала тошнота. Вирия дро-

жащими пальцами развязала ремешки сандалий, сбросила их, оставшись совершенно нагой. Предложенная ей одежда была мужской, такую носили императорские егеря и курьеры – полотняная рубаша с отложным воротником, короткие замшевые штаны с поясом-шнуром, курточка-безрукавка из тонкой кожи с нагрудными карманами и медной застежкой и высокие сапоги из мягкой кожи. Все оказалось ей впору, и Гармен ди Браст, войдя в каморку, довольно хмыкнул. Он принес ей длинный плащ из коричневой шерсти вроде тех, какие носили в дороге купцы и жрецы высшего ранга. Плащ был огромен, капюшон все время сползал на глаза, а полы путались под ногами. Вирия с сожалением посмотрела на свое богатое платье из узорчатого алтабаса с золотыми шнурами и вздохнула.

– Эти побрякушки тоже сними, – потребовал жрец, показывая на ее ожерелье и перстни. – Они выдадут тебя.

– Возьми это, братец, – сказала Вирия, выполнив волю жреца и подавая ему украшения. – На храм.

– Не нужно, – ответил ди Браст странным тоном. – Этому храму жертвоприношения больше не нужны.

Из молельни они вышли обратно в храм, а оттуда по длинному коридору и винтовой лестнице, уходящей глубоко вниз, попали в подвалы дворца. Жрец взял с поставца факел, запалил его, велел девушке следовать за собой и не отставать. Они долго спускались по лестнице, потом вошли в какой-то туннель.

– А крысы здесь есть? – шепнула Вирия.

– Нет.

– Славно. Очень боюсь крыс...

В подземельях было сыро, душно и смрадно, под ногами хлюпала зловонная вода, из мрака доносились странные звуки – то стук молота о наковальню, то скрип и грохот водяных колес, работавших где-то в недрах Гесперополиса, то шум невидимых механизмов. Несколько раз впереди появлялся свет факелов, и тогда жрец останавливался и ждал, когда путь освободится. Счет времени был потерян. Вирия чувствовала себя одинокой, маленькой, уставшей и несчастной, но продолжала плестись следом за жрецом, втихомолку проклиная и его, и свою жалкую судьбу, и того, кто построил эти чертовы подземелья. В одном месте они миновали подземный зал, такой огромный, что он больше смахивал на природную пещеру, а не на создание рук человеческих, потом опять углубились в бесконечный коридор со множеством боковых проходов. Вирия сообразила, что жрец ведет ее каким-то тайным подземным ходом – но как он сам тут не заблудится? И куда он ее ведет? Мысль о том, что жрец хочет ей зла, была нелепой: вряд ли Гармен стал бы заводить ее так далеко в земное чрево, чтобы убить ее или попытаться овладеть ею силой.

Жрец будто угадал, о чем она думает.

– Мы идем в храм Единого, – пояснил он. – В древности от замка Хейлера к Первому Храму был прорыт подземный ход. О его существовании знают лишь несколько человек. Осталось идти совсем немного, потерпи.

– Ты всегда водишь к себе девушек по этим крысиным ходам?

– Не говори глупостей.

Гармен привел ее к новой винтовой лестнице, на этот раз ведущей наверх. Подниматься пришлось долго, и Вирия не чувствовала под собой ног, когда они наконец-то оказались у двухстворчатых ворот из темной бронзы, украшенных затейливой чеканкой. И вот тут Гармен ди Браст сделал то, что ее поразило; он протянул руку и повернул кисть так, будто проворачивал ключ в замке. В свете факела сверкнул зеленоватый камень в перстне на указательном пальце – и ворота, скрипя, начали открываться.

Когда-то еще в детстве Вирия слышала легенду о Золотой Пещере – таинственном месте, где сбываются любые желания. Ее сердце бешено стучало, когда она входила вслед за жрецом в

открывшиеся двери – а вдруг? А что, если легенда окажется правдой, и она увидит таинственную пещеру, где исполнится ее единственное и самое заветное желание – вернуть к жизни Неллена и уехать с ним из этого гнусного города далеко-далеко, к изумрудным водопадам Бринелефты, к пронизанным солнцем оливковым садам Азора, к белым холмам Рошира – а не все ли равно куда, лишь бы с ним?!

Волшебный мираж рассеялся так же внезапно, как и появился. Золотой пещеры Вирия не увидела. Зато увидела человека, который, похоже, ждал их. К парапету, окружающему священный источник, были привязаны две лошади – могучий вороной сталион и изящная серая лошадка с белыми чулками на ногах и белой звездочкой на лбу.

– Мир тебе, Акун, – сказал жрец ожидавшему. – Я ее привел.

Вирия была удивлена; сообщником жреца оказался варвар – милд. Акуну было за пятьдесят, стриженные ежиком волосы и усы старика были почти совсем седыми, но держался он прямо и двигался легко, будто не чувствовал своих лет. И еще заметила Вирия, что Акун одет, как простой поселянин. Почему? Старый милд ведь наверняка воин, все мужчины-милды воины – и воин очень опытный...

– Ты обещал сто галарнов, – напомнил милд, обращаясь к жрецу.

– И держу слово, – Гармен подал варвару тяжелый кошель с серебром. – Здесь триста галарнов – сто возьмешь себе за труды, остальное потратишь на дело. Ты знаешь, как их потратить.

– Моя доля останется сестре.

– Это твое дело.

– Как звать тебя, дочка? – обратился Акун к девушке.

– Вирия.

– Ее зовут Руменика, – вдруг сказал Гармен. – Вирией ее называла сестра Хорла. Она дочь Йола ди Криффа. Запомни, сестра, твое имя Руменика ди Крифф.

Вирия только покачала головой. События развивались так быстро и так неожиданно, что все происходящее казалось ей причудливым и бессвязным сном. Миг – и она проснется в золотой опочивальне, в постели императора, и Шендрегон опять захочет, чтобы она его ласкала...

– Садись на лошадь, – велел милд. Он уже был в седле и держал под уздцы серую лошадку. – Верхом ездить умеешь?

– Плохо... очень плохо.

– Ничего. Куколка смиренная, она тебя не сбросит.

– Благословение Единого на вас! – Гармен ди Браст снял с пальца перстень с зеленоватым камнем и вложил его в ладонь Вирии-Руменики. – Береги этот камень, сестра. Он поможет тебе пройти твой путь до конца, как это суждено судьбой. Спешите, ибо солнце уже высоко, и скоро из Гесперополиса не выберется даже птица!

– А ты, Гармен? – Руменика впервые назвала жреца просто по имени.

– Я остаюсь встретить Ночь, – с достоинством сказал жрец. – Мой поединок еще впереди. Прощай, Вирия. Или мне звать тебя Руменика?

– Руменика, – подумав, ответила девушка, – конечно, Руменика.

По Гесперополису пронеслась поразительная весть – император, Живое Воплощение Света, собирает население города на площади у Красного Чертога, дабы говорить с народом и показать ему нечто, имеющее важность великую. Вмиг к площади двинулись огромные толпы. Закрывались лавки, пустели трактиры и мастерские, даже больные из лазаретов, опираясь на костыли и палки, а то и друг на друга, ковыляли по улицам, гадая, что же заставило императора впервые за два года говорить с народом не через глашатаев и герольдов, а собственной священной персоной.

Гармен видел, как народ потянулся к дворцу. Он был спокоен. Прошло почти три часа, как он простился с Руменикой и старым милдом. Варвару Гармен не доверял, но сам Риман ди Ривард, Великий Видящий скроллингов, прислал ему этого человека, и выбор главы ордена не мог быть ошибочным. Если Медж Маджари справится со своей миссией, и если Хейдин и Руменика ди Крифф выполнят свое задание, у Лаэды появится надежда. Однако это в будущем, а в ближайший час именно он, Гармен ди Браст, даст свой главный в жизни бой.

Неведомое Зло надвигается. Сегодня Шендрегон сотворит что-то, о чем говорится в пророчествах. Но пророчества слишком смутные, и замыслы императора пока неведомы. Известен лишь день – Великий Видящий предупреждал об этом дне. И ныне во дворце идут приготовления. Что-то должно случиться на площади перед дворцом. Знать бы, что! Увы, орден слишком слаб. Скроллингов осталось лишь четверо – Риман ди Ривард, Акун, Медж Маджари, да он сам, Гармен ди Браст. Каролитовая магия никак не реагирует на Геллу Гэнджи – значит, она скорее всего мертва. И сестра Хорла мертва, уже давно. Воинов Свитка больше нет. У них осталась одна попытка и слабая надежда остановить Тьму. Или умереть с честью, как и полагается Воинам Свитка. Их слава в прошлом. Да и сам Свиток – что он теперь значит? Законы, некогда записанные для мироздания, ныне потеряли свое значение. Мир погружается в мрак, и в этом мраке грядет что-то страшное, неведомое, несущее гибель. Риман ди Ривард назвал это неведомое Жизнью-в-Смерти, но что он вложил в эти слова?

После омовения в горячей ванне Гармен надел чистую парадную хламиду и в последний раз разжег у подножия алтаря Единого священный огонь. Когда-то он слышал от старших жрецов, что избранные могут получать от Единого божественные откровения, но ныне Всевышний молчал. Гармен молил о знамении, но знамения не было. Солнечные лучи падали на жреца через узкие окна храма, и легкие пылинки плясали в них. Собственно, Гармен другого и не ждал. Пришел тот час, когда ему, потомку рода ди Брастов, одного из древнейших родов страны, следует сделать то, что требует от него вера и долг. Может, для кого-то это пустые заезженные слова, но не для него. За веру много лет назад умер его отец. И за веру отдали жизни его друзья. По-другому никак нельзя, потому что приближается День гнева. Немногие знают об этом, но в текстах все сказано. Скоро придет Тьма, а с ней и великие бедствия для всей Лаэды. Гармен сложил руки в знак Благодарения и посмотрел в лицо Единому. Изваяние простирало над ним руки. И лик Владыки был спокоен.

– Спасибо, Господи, – сказал Гармен.

Вода в водяных часах иссякла. Гармен поднялся, высыпал остатки благовоний из ковчежца в огонь и вышел из храма, затворив за собой двери. День был солнечный, теплый, давно такого не было. Эта весна была холодной и поздней, как и все весны в последние годы. Солнце подходило к зениту. Гармен смешался с толпой горожан, идущих к площади.

На выходе из улицы стояло оцепление, сначала бородатые орибанцы в бронзовых кольчугах и круглых шлемах, вооруженные бердышами и кривыми мечами; за ними горцы-волахи, длинноволосые и татуированные, с алебардами в руках и наконец императорская стража в красных и черных епанчах и стальных шишаках с переносом. Гармен миновал оцепление, благословляя солдат, и оказался на площади, где уже собралось несколько тысяч горожан, и народ продолжал подходить.

Белые Башни императорского дворца возвышались над площадью на сто пятьдесят футов каждая; в свете солнца белая облицовка переливалась, как перламутр. Каждая из башен имела четыре уступа и позолоченную граненую верхушку. Вокруг башни еще при императоре Дане воздвигли кольцо стен из красного жженого кирпича высотой в тридцать пять футов. Императорский дворец располагался за этой стеной. Площадь церемоний располагалась как раз у подножия Белых Башен – огромный прямоугольник, вымощенный шестиугольными плитами из твердого черного камня. Здесь же, над площадью, располагалась третья башня, которую в народе называли Красной или Императорской – она была ниже, но мощнее, и высота ее рав-

нялась шестидесяти футам. Ныне над Красной башней развевались имперский штандарт и штандарт дома Шендрегонов – золотой дракон на черном. По стенам разместились гонфалоны с гербами знатнейших домов Лаэды, и теплый ветер лениво трепал их. Гармен усмехнулся, заметив среди гербов и знак своего дома – железный кулак на багрянце. Между хоругвями железными изваяниями застыли гвардейцы императора.

Гармен потихоньку двинулся вперед, к стене. Люди не обращали на него внимания, лишь некоторые, завидев жреца, кланялись и просили благословения. Здесь были мужчины, женщины и дети, много чужеземцев – смуглые орибанцы и геламцы, темнокожие аммады, утонченные гормианцы и темноглазые роширцы.

«Приближается День гнева, – думал Гармен, – и сегодня будет положено начало гибели этого мира. Понимают ли эти люди, что беда уже стоит на пороге их дома? Смогут ли они выбрать? Просвети их, Всемогуший!»

Ему внезапно вспомнилось старинное предание об орле, который был послан Единым предупредить род человеческий о грядущих потрясениях. Орел слетел к людям и своим клекотом пытался привлечь их внимание, но люди не видели его. А потом была дрожь земли, огненный град и потоки серы с неба. Люди взмолились, прося Единого о милости, но Единый сказал им: «Вы смотрели, но не видели. Вы слушали, но не слышали. Вы думали, что жизни ваши безбрежны, как океан. Я же хотел обратить вас к Добру». Пристыженные люди тогда обвинили орла в том, что он слишком поздно предупредил их о гневном Едином и убили его. С тех пор орлы не верят людям и не заботятся об их судьбе – пусть люди выкручиваются сами...

Рев рогов заставил жреца вздрогнуть. Гармен поднял глаза на Красную башню – и увидел императора.

Шендрегон был в бешенстве. Его гвардия раз за разом обыскивала дворец, но все было напрасно – Вирия, его любимая наложница, словно испарилась. Придворные прятали взгляды и шептались о колдовстве и черной магии. Джел ди Оран был спокоен.

– Пусть государь сделает другой выбор, – только и сказал он. – Это не имеет никакого значения, кто будет Первым. Это может быть мужчина, женщина, ребенок.

– Мы хотели ее, Джел! – бесновался император. – Мы хотели осчастливить эту потаскуху, даровав ей бессмертие. Она была красива и доставляла нам наслаждение. Мы прикажем разыскать эту шлюху и разорвать ее конями!

– Государь, вас ждет невиданное величие. Жалкая уличная девка не должна занимать больше ваши мысли.

– Мы спокойны, Джел, – император вытер со лба пот. – Мы найдем предателей и накажем их. Однако церемония должна состояться, не так ли?

– Безусловно, государь.

– Пусть найдут Тасси. Мы выбираем ее.

– Прекрасный выбор, государь. Я подготовлю ее.

– Мы всегда делаем хороший выбор. Разрешаем приступить к подготовке церемонии!

В глубине души Шендрегон ждал, что в двери покоев вот-вот ворвутся его гвардейцы и скажут: «Государь, Вирия нашлась!». Он ждал, пока его причесывали и гримировали, пока на него возлагали тяжелую корону и унизанную самоцветами златотканую мантию, пока его обували в золоченые сандалии. Он ждал, но не дождался. И оттого черная неутоленная злоба наполнила его сердце до краев.

– Вы готовы, государь? – спросил его канцлер.

– Мы готовы. Пусть начнут шествие...

Путь от дворца до ворот Красного Чертога занял немного времени, но сильно утомил Шендрегона. Идти приходилось черепашьям шагом – того требовал освященный веками церемониал. Двенадцать пар конных гвардейцев впереди, затем пажи со штандартами, снова гвар-

дейцы, теперь уже пешие, затем знаменосец с имперским стягом, императорские глашатаи в парадных одеяниях и только потом он сам – Двадцать восьмое Воплощение Света, император Лаэды, повелитель Бринелефты, Карнона и Рутаники, Украшение Мира и Хранитель правды, владыка Запада и Востока Шендрегон Первый. Сегодня к длинному перечню его титулов добавится еще один – Божественный. Ибо подданные увидят, что их повелитель может то, чего не может ни один человек под солнцем.

Процессия вышла на площадь и под приветственные крики двинулась к Красной башне. На площадку башни Шендрегон поднялся один. Время церемонии было так точно рассчитано, что Шендрегон глянул на людское море у своих ног одновременно с первым ударом колокола, отбивающего полдень. Рев восторга пронесся над площадью.

– Какое мгновение! – прошептал Шендрегон. – Какая власть!

За его спиной уже строилась железная гвардия с бердышами, и пестрая толпа придворных суетливо толпилась за ними, нарочито громко обсуждая добродетели императора. Джел ди Оран, одетый как всегда в черное, приблизился к Шендрегону и с поклоном спросил:

– Начать ли, государь?

– Поспешите, канцлер.

Джел ди Оран дал знак трубачам, и звук десятков медных труб заставил людское скопище замолчать. Канцлер говорил негромко, но словно по какому-то волшебству каждое слово было слышно по всей площади, и тысячи людей слушали канцлера, затаив дыхание. Гармен напрягся, стараясь не пропустить ни слова, и ужас все больше поднимался в его душе, потому что ему, жрецу Единого, стало ясно, что происходит.

– Народ империи, – говорил Джел ди Оран, скрестив на груди руки и глядя поверх голов, – возрадуйся, ибо проходит время испытаний. Долгие годы наша страна жила в скудости и лишениях. Поля наши побивал град, морозы вымораживали наши сады, болезни косили скот, страх и тоска жили в душе каждого. Люди Лаэды жили в бедности, которая лишала нас человеческого достоинства. Враги грозили нам войной и внутри самой страны происходили мятежи и кровопролития. Законы никто не соблюдал, и не стало спасения простому человеку от грабителей и воров, разбойников и убийц. Оттого пошли слухи, что император лишился своей божественной власти, поэтому наша страна идет к гибели. Предыдущий наш государь, светлой памяти Ялмар Праведник сурово наказывал крамольников и лиходеев, но не успел завершить задуманного – его забрал к себе Единый. Но забрав одного божественного императора, Всемогущий послал нам другого – юного и прекрасного, словно солнце! Юноша в одеждах императора Лаэды, ныне стоящий перед вами, не просто человек – он воплощенный Свет! Возрадуйся, народ: сегодня началась новая эпоха – эпоха вечной жизни. Всякий из вас сегодня будет освобожден от страха перед Неизбежным. Поклонитесь своему императору и признайте его не только своим единственным повелителем, но и своим Богом. Поклонитесь, и вы увидите величайшее чудо, равного которому Лаэда еще не видела. В наших хрониках записаны свидетельства самых разных чудес, совершенных императорами. Но божественный Шендрегон Первый обладает даром, которого не было ни у одного из них. Поэтому я принародно признаю его живым Богом и преклоняю перед ним свои колени!

Джел ди Оран опустился на колени и поцеловал край императорской мантии; следом за ним придворные, бывшие на башне, сделали то же самое. Необычайная тишина наполнила площадь. Люди смотрели на императора, который неподвижно стоял на вершине башни, и не знали, верить ли услышанному.

– Они молчат, – шепнул Шендрегон. – Они не поверили.

– Терпение, государь. Чем больше недоверия, тем сильнее будет последующий шок.

– Ты и это предвидел?

– Конечно.

– Не пора ли начать?

– Народ империи, – Джел ди Оран немного повысил голос. – Я знаю, что ты сомневался в моих словах. Но говорю тебе – солнце еще не коснется горизонта, а у империи будет император-Бог!

– ЛОЖЬ!!!

Джел вздрогнул. Толпа внизу разошлась, как покрытая тиной вода, в которую бросили камень, открыв взглядам с башни того, кто обвинил канцлера во лжи.

Гармен не сдержался. Ужас, который нарастал в его душе, требовал выхода. Он начал свой поединок раньше, чем следовало бы, но теперь сделанного не воротишь. Только бы народ ему поверил...

– Не сверли меня глазами, канцлер! – крикнул он. – У империи не может быть иного бога, кроме Единого! Со времен праведного императора Хейлера Лаэда она основана на истинной вере, и поколебать ее не сможет никто.

– Жрец Единого сомневается, – сказал ди Оран. – Это его право. Но ответь нам, жрец – где ты был, когда саранча на полях сожрала весь урожай и в стране начался голод? Где ты был, жрец, когда восставшие горцы Хэнша убивали имперских воинов, когда проливалась братская кровь, когда на площадях наших толпы безумцев схватывались с городской стражей и друг с другом? Где ты был, когда наши женщины отдавались иноземцам за жалкую плату, а то и за горсть муки, когда родители продавали детей богачам на утеху, лишь бы избавить их от нищеты и голода? Где ты был, жрец – и где был твой Бог? Он ни разу не давал откровений своему народу. Все мы читали о знамениях и откровениях в книгах, но ни разу не видели их.

– Только слабый в вере ищет знамений! – крикнул Гармен.

– Нет! – Ди Оран простер руку к императору, застывшему, как изваяние. – Истинный Бог тот, кто сегодня явит свою мощь. Лукавый жрец не верит в мои слова, не верит в божественную силу императора. Так пусть сожалеет о своем неверии, потому что он сейчас узрит власть живого Бога Лаэды!

Заунывное пение, больше подходящее для похоронного шествия, чем для церемонии встречи императора с народом, пронеслось над площадью. Даже Гармен в недоумении замер, наблюдая, как на Красную башню поднимаются облаченные в белое фигуры. Возглавляла эту процессию золотоволосая красавица. Гармен узнал Тасси, девушку, которую сегодня утром встретил у покоев императора.

Шендрегон тоже был заинтригован. Он наблюдал за Тасси, за тем, как она поднялась на верхнюю площадку башни, как прошла мимо него, даже не взглянув в его сторону. Он понял, что девушке дали сильный наркотический напиток, притупляющий чувствительность, чтобы избавить от мук Перехода – подобный напиток давали осужденным перед казнью. Взгляд Тасси застыл, лицо напоминало застывшую маску. Тем не менее, девушка твердым, хоть и медленным шагом приблизилась к парапету башни и глядя куда-то в небо, заговорила:

– Тассия, дочь Альмера, ты полюбила всем сердцем, всей душой, и любовь твоя сильна, как смерть. Ты полюбила прекраснейшего из мужей, божественного императора Шендрегона, первого из владык мира. Любовь твоя так велика, что ты готова принести в жертву все, что имеешь ради своего возлюбленного. Народ не верит в то, что твой возлюбленный – Бог. Докажи им, что они неправы. Докажи это, Тассия, дочь Альмера. И хоть господин твой слишком велик для тебя, он примет жертву своей ничтожной рабы и не оставит ее без награды. Тот, кто обласкан твоим господином, живет вечно!

– Что происходит, Джел? – шепнул император ди Орану.

– Она превосходная актриса, – улыбнулся канцлер. – Роль она выучила за несколько минут. Эта девушка сделает вас великим, государь. Берегите ее!

Шендрегон не успел ответить – Тасси будто в трансе ступила за парапет и шагнула вниз с шестидесятифутовой высоты. У Шендрегона вырвался невольный крик, но его заглушил тысячеголосый вопль ужаса, прокатившийся над площадью. Потом наступило жуткое молчание.

Гармен, тяжело дыша, расталкивая людей локтями, протиснулся к месту, где лежало тело Тасси. Наложница была мертва; синеву широко раскрытых глаз уже затянула пеленой смерть. Темная кровь вытекала изо рта, подползая к ногам толпящихся вокруг людей. Гармен в отчаянии сжал кулаки.

– Что ты наделала, девочка! – вздохнул он.

– Пора, государь, – сказал ди Оран императору. – Начинайте!

Шендрегон проглотил противный ком в горле. Он чувствовал себя скверно, очень скверно. Во рту пересохло, ладони вспотели, в ногах появилась противная дрожь, завитые и напояженные волосы вдруг зашевелились под императорской короной. Надо спешить. Чудо должно совершиться, пока еще не прошел всеобщий шок от зрелища самоубийства этой несчастной. А вдруг у него не получится? А вдруг...

– Народ империи, – крикнул он и поразился, до чего же тонко и жалко звучит его голос. Но тысячи глаз обратились на него. И он продолжал: – Эта бедная женщина совершила поступок, на который мало кто из вас способен. Она показала свою преданность нам таким страшным способом. Нам жаль ее. Мы не гневаемся на нее. И чтобы показать наше могущество, мы возвращаем этой женщине жизнь, которую она отдала ради нас. Мы говорим Тассии, дочери Альмера – встань! Вернись к своему императору и Богу!

Снова удивительная тишина повисла над площадью. Люди напирали друг на друга, пытаясь протолкаться к месту, где лежало изломанное окровавленное тело императорской наложницы. Время шло, ничего не происходило. Смутный шум пошел по толпе. Гармен почувствовал прилив надежды; вся эта страшная и нелепая церемония закончилась ничем, потому что Единый вмешался, Единый не допустил...

Женщина в толпе закричала так страшно, что у многих не выдержали нервы – люди бросились бежать, расталкивая других. Едва не началась паника. Но у Красной башни народ уже опусклся на колени, приветствуя живого Бога Шендрегона.

– Она шевелится! Она шевелится! – кричали из толпы.

– Ноги! Ее ноги – они были поломаны...

– Она жива!

– Слава императору! Император оживил женщину!

– Император – Бог! Слава ему!

– СЛАВА!!!

– Этого быть не может, – бормотал Гармен, с ужасом наблюдая, как мертвая девушка повернула голову, потом села, рассматривая окружающих, испуганно шарахнувшихся от нее. – Это некромантия, люди! Император использовал черную магию. Это зло, страшное зло!

– Слава императору! – раздавалось со всех сторон.

– Люди, опомнитесь! – кричал Гармен. – Вы... вы не понимаете, что происходит. Это колдовство, худшее из всех. Смерть пришла в Гесперополис. Император испорчен! Бедный юноша в опасности, вы все в опасности!

– Слава! Слава!

Чьи-то руки схватили Гармена сзади за хламиду. Он вырвался, но мгновение спустя здоровенный мужик в меховой куртке на голое тело схватил жреца за руку.

– Вот он, нечестивец! – заорал мужик, пустив на Гармена волну перегара. – Эй, бейте нечестивца!

Гармен вырвался снова, отразил направленный ему в лицо удар палкой и сам ответил точным ударом, разбив здоровяку в меховой куртке нос. Его ударили по голове, потом снова схватили за хламиду, повалили на землю. Тяжелой палкой ударили по правой руке, сломав предплечье. Сразу несколько человек бросились на жреца, избивая его руками и ногами.

– Бей нечестивца! – орала старуха, выпучив затянутые катарактой глаза. – Смерть ему! Он богохульник. Намотать кишки богохульника ему на шею!

– Намотать! – заорали в толпе. – Убивай!

Кто-то наступил жрецу ногой в грязном башмаке на грудь. Сверкнуло лезвие ножа. Гармен успел еще увидеть свирепые дикие бессмысленные лица вокруг себя – и кусочек синего неба, в котором плавал орел. Значит, Единый все-таки услышал его. Значит, он все сделал правильно. Орел прилетел к нему, чтобы побыть с ним в смертную минуту, чтобы стать свидетелем того, как еще один скроллинг умрет с честью. Последняя милость неба – и последний миг света, после которого пришла тьма, в которую канул Гармен ди Браст, один из четырех последних Воинов Свитка.

Глава третья

Gnaesse Wilfe nar Es Wilfersbregg ott²

– Он погиб?

– Да, – Медж Маджари убрал руку, и свечение над столом погасло. – Был растерзан толпой, убежденной, что Гармен оскорбил величие императора.

– Он погиб, как герой, – сказал Хейдин.

– Это был его последний поединок. Он был жрецом, и его оружием была правда. Он умер, пытаясь эту правду сказать.

– Как же императору удалось оживить девушку?

– Пока это неизвестно. Одно могу сказать – силы, которые это совершили, глубоко враждебны человеку. Это очень мощная черная магия.

– И кто может ей обладать?

– Человеку такое не под силу. Пока мы не узнаем, кто стоит за воскрешением умерших в Гесперополисе, мы бессильны. Помнишь вордланов, с которыми ты сражался в деревне близ Вар-Нахта? Они порождения Магии Луны и Крови. Опытный черный маг может обратить человека в вордлана или обратиться вордланом сам. Этот вид магии мы хорошо изучили. Таков стал наш мир – с гибелью драконов черное колдовство больше не прячется в гнилых закоулках. Но оживление умерших даже Магии Луны и Крови не под силу.

– Что это означает, Медж?

– Это значит, что наш враг – не человек. Мы имеем дело с черной сущностью высшего порядка.

– И как нам быть?

Азориец ответил не сразу. То ли подбирал слова, то ли пытался сам разобраться в своих мыслях. Хейдин в душе понимал нелепость ситуации – сидя в деревенской корчме они пытаются говорить о вещах, в которых пока не могут разобраться даже маги.

– Почему ты молчишь, азориец?

– Думаю, как бы попонятнее тебе все разъяснить. Ты из тех, перед кем раскрывается Завеса, но ты не посвящен в тайные знания.

– Зачем же ты тогда притащил меня сюда?

– Тебе дано противостоять силам зла, значит, ты можешь войти в Круг.

– Клянусь Харумисом и семью пропастями Морбара! – Хейдин в два глотка осушил свой бокал с вином. – Одно другого понятнее. Какой еще, к вордланам, Круг?

– Я расскажу тебе все, тем более что выбора у меня все равно нет. Я виноват перед тобой, я вытащил тебя из Вианского замка, где ты вел достаточно беспечную жизнь и теперь подвергаю лишениям и очень большим опасностям.

– Еще бы! Я сразу понял, что я понадобился тебе не как телохранитель для конной поездки по Лаэде.

– Прости меня. Нас ведет судьба, Хейдин. Хотим мы или нет, но почти все, что с нами происходит, предопределено свыше, и мало что можно изменить. Выбор пал на тебя по многим причинам, но главное в том, что ты обладаешь особой Силой.

– Вижу сквозь Завесу?

– Это, во-первых. У тебя абсолютная устойчивость к Злу – это, во-вторых.

– Что это значит?

² Хуже волка только волчья стая. (Лаэданск.)

– Большинство людей одинаково подвержены и злу, и добру. Это происходит в зависимости от обстоятельств. Все у человека хорошо – и он вроде тянется к добру, помогает слабым и больным, заботится о семье и своих близких, честно работает и радуется малому. Но такой человек может внезапно измениться неузнаваемо. Добряк превращается в злодея, труженик в вора, честный и порядочный человек – в лгуна и пройдоху, семьянин – в развратника.

– К чему ты мне это говоришь?

– Потому что ты не такой.

– Откуда ты знаешь? Я вовсе не белый ягненок и не пряничный человечек. У меня полно пороков и я сделал в своей жизни слишком много худого и слишком мало хорошего.

– Вот! Это и есть ответ. Ты различаешь добро и зло. Ты очень строго судишь себя и все время задаешь себе вопрос: «А что я сделал хорошего?» Многие люди никогда его себе не задают.

– Я всего лишь старый брюзга, не больше.

– Ты много воевал. Ты прошел сквозь грязь и кровь, но они не облепили тебя и не изменили тебя. Твоя жизнь была суровой, но ты не ожесточился. Ты храбр, благороден и честен. Это бесценные качества. Именно такой человек нужен, чтобы спасти Лаэду и весь мир.

– Ну да, конечно, – Хейдин не скрывал иронии: выпитое вино сделало его разговорчивым. – Хейдин ди Варс-ле-Монкрайт, потомок знатного рода, голодранец, язычник и прощелыга, избран спасителем мира! Добрый местьер, я слишком уважаю тебя, чтобы насмехаться над твоими словами, но и ты будь ко мне милосерднее, не смейся над старым глупцом, который так и не добился в жизни ничего, о чем мечтал. Боги отказали мне даже в том простом счастье, которым они наделяют бессловесный и безмозглый скот – иметь потомство и называться отцом семейства. А ты мне говоришь что-то о моих исключительных качествах. Я просто неудачник, вот и все!

– Я тебе уже сказал в Виане, что жизнь твоя не кончена. Все эти годы ты шел к главному испытанию. Пришел твой час, Хейдин. Тебе доверят тайна, за которую враги Лаэды многое бы отдали.

– Какая тайна?

– Тайна смерти императора Лаэды Ялмара Праведника.

– При чем здесь я?

– Ялмар был убит, но сын его жив.

– За сына императора Ялмара, владыки Лаэды! – провозгласил Хейдин, подняв бокал с вином. – Пусть все его враги провалятся к вордланам, в самое чрево Морбара!

– В тайных знаниях о будущем мира есть пророчество, в котором говорится, что девятый император девятой династии восстановит утраченное Равновесие Сил и вернет Лаэде могущество и процветание. Многие считают, что девятый император – это Шендрегон, но это не так. Шендрегон всего лишь узурпатор, лишивший престола законного принца.

– Но я слышал, что сын Ялмара умер.

– Отец Ялмара император Лоэрик Богобоязненный начал беспощадную борьбу с черной магией по всей империи, и в этом ему помогали скроллинги. Лоэрик приговорил к смерти сотни магов. Однако до конца уничтожить черную магию ему не удалось. Уцелевшие маги смогли вызвать какое-то зло из-за Круга, и сын Лоэрика, процарствовав всего несколько лет, погиб при странных обстоятельствах. Говорили, что на него напал хищный зверь, не то медведь, не то кания. После смерти императора мы, скроллинги, немедленно взяли под охрану семью императора – его жену Эйверию и сына Дану, которому тогда было лет пять. Их вывезли из Гесперополиса и спрятали в надежном месте. За охрану принца и его матери отвечал сам Риман ди Ривард, Великий Видящий. В те дни у нас погиб товарищ, Йол ди Крифф. А потом началась моровая язва в Таории, где мы укрыли семью Ялмара. Императрица и принц заразились...

– И умерли?

– Императрица – да. Риман ди Ривард успел исцелить принца Дану.

– И где он теперь?

– За Кругом.

– Умоляю, Медж, объясни мне – что такое «Круг»?

– Мир, в котором мы живем, кажется нам единственно реальным миром. Обычный человек не может выйти за его пределы никогда. Конечно, ты можешь поехать в Азор, Ворголу или Казутар, в страны за морем, спуститься в гномьи пещеры или подняться высоко в горы, но это другое. Выйти за пределы Круга означает совершить переход в совершенно другой мир. Таких миров очень много, но без помощи магии такой переход невозможен. Наши тайные знания позволяют нам, скроллингам, совершать такой Переход при помощи каролита.

– Зеленого камня? – догадался Хейдин.

– Да, – Медж Маджари показал Хейдину свой перстень. – Каролит не просто камень. Это окаменевшая кровь древних драконов, которые жили на земле задолго до всех прочих существ. Он наделен силой, которая когда-то творила миры.

– И как же можно выйти из Круга?

– Есть четыре места, где это можно сделать. Это особые точки, в которых граница между мирами преодолима. Они обозначены особым образом, каменными концентрическими кругами, либо кругами деревьев. Первое находится в Солтьерском лесу на границе Лаэды и Рошира – это так называемое Кольцо Ведьм. Второй Круг находится в древней резиденции Воинов Свитка, Фонкарском замке. Скажу тебе, что именно туда мы и держим путь. Третий Круг расположен на острове Фонс-Арб у побережья Азора. Последний известный мне Круг расположен на землях сидов, в Венадуре.

– Ясно. Что же сделали с сыном Ялмара?

– Его переправили через Круг. С ним была Гелла Гэнджи, одна из наших дев-воительниц. К этому времени Шендрегон уже был провозглашен императором.

– И принцу больше ничего не грозило, не так ли?

– Боюсь, теперь его жизнь значит для всех нас больше, чем наши собственные.

– Вот как! Ты снова заговорил загадками.

– Шендрегон оживляет мертвых. Он или безумен, или не понимает, что творит. Вряд ли сам Шендрегон владеет магией, рядом с ним таится кто-то или что-то, наделенное невероятной Силой. В одной из древних книг говорится о том, что придет время, когда мир мертвых и мир живых поменяются местами, и на земле наступит День гибели, Dhovidann Yahrn. Возможно, это уже началось.

– Может, это всего лишь слухи – про оживление мертвых?

– Мертвых нельзя оживить, Хейдин. Когда душа покидает тело, их уже не соединишь. Могущественный маг может сделать другое – вложить в мертвое тело новую сущность. Это может быть светлый дух, но может и...

Азориец внезапно замолчал, насторожился. Хейдин открыл было рот, но азориец жестом велел ему молчать.

– У нас незваные гости, – шепнул он, осторожно глянув за ставень окна. – Похоже, меня выследили.

– Кто?

– Императорская стража, Красные плащи. С недавних пор скроллингом быть опасно, – Маджари усмехнулся. – Их много, человек пять.

Хейдин тоже глянул наружу. Во дворе корчмы стояло два человека в красных коротких плащах с капюшонами. Ножны длинных мечей оттопыривали полы плащей. Еще один привязывал к коновязи оседланных лошадей с эмблемами императорского дома на пополах.

– Семерых мы порубим без труда, – сказал Хейдин.

– Нет! Ты сейчас спустишься вниз, как ни в чем не бывало, и пройдешь в конюшню... Тихо, не спорь! Сядешь на своего коня и поедешь от Маре на юг, к Фонкару. Эти места ты должен хорошо знать. Я буду ждать тебя у Фонкарского замка; он находится сразу за лесом, в пяти лигах к югу от меловых холмов. Будь осторожен, здесь остался твой запах.

– Запах? При чем тут запах?

– Быстро! – прошипел Маджари, взяв со стола свой меч. – Уходи! Ты мне ничем не поможешь. Если тебя убьют или ранят, все погибло. Ради всех своих богов, ортландец, уходи!

Хейдин не смог выдержать умоляющий взгляд Маджари. Оставалось только одно – подчиниться. Или принять бой и победить. Или умереть вместе с азорийцем. Но Медж Маджари не принял бы от него такой жертвы.

Когда он вошел в общий зал, красные воины допрашивали хозяина. Увидев Хейдина, они замолчали. Один из воинов, видимо, старший, сделал ортландцу знак подойти.

– Местьер? – Хейдин кивком поприветствовал красного воина.

– Кто ты? – надменно спросил красный, положив ладонь на рукоять меча.

– Хороший вопрос, приятель, – Хейдин старался казаться пьянее, чем был на самом деле. – Хочешь получить ответ сразу или дашь мне подумать?

– Это местьер Хейдин ди Варс-ле-Монкрайт, слуга господина графа ди Виана, – ответил за ортландца трактирщик. – Он у меня частый гость, наше вино ему очень даже по вкусу!

– Заткнись! – рявкнул красный. – Болтаешь, как баба.

– Малый сказал правду, – спокойно сказал Хейдин. – Мое имя он тебе назвал. Что еще желаешь услышать?

– Меня интересует, что ты здесь делаешь.

– Тебе же сказали – выпиваю. Хочешь, могу угостить тебя.

– Ты из Виана?

– Ага. Господин послал меня в Маре по делу, вот я и зашел... выпить, – Хейдин достал из кошель монету и бросил трактирщику. – В прошлый раз вино у тебя было лучше, Йол.

– Куда направляешься сейчас?

– Домой. Или ты хочешь дать мне адресок какой-нибудь покладистой красотки?

– Не нравится он мне, господин ди Борк, – сказал один из сыщиков, нагло рассматривая Хейдина. – Уж больно у него все гладко вытанцовывается.

– А я хороший танцор, – сказал Хейдин. – И не баба, чтобы тебе нравиться. Кстати, твоя физиономия мне тоже не по душе, слишком смазливая. Могу вырезать на ней пару розочек.

– Хватит! – Начальник поднял руку. – Если ты и вправду служишь графу ди Виану, можешь ехать. Только скажи, не было ли у вас в Виане чужих.

– Чужих? Не видел, местьер.

– Молодого воина-иностранца на белой лошади?

– Не видел, местьер. Я больше обращаю внимание на молодых женщин.

– Если соврал, я знаю, где тебя найти, – ди Борк приблизился к Хейдину, и ортландец вздрогнул: правая половина лица сыщика была похожа на рубленую котлету, вся в багровых шрамах и пятнах. – А теперь проваливай, чертов рутан!

Хейдин заставил себя поклониться. В конце концов, он просто варвар, язычник, приживалка у знатного лаэданца. Эти болваны ничего не заподозрили. Надо уносить ноги, пока красные императорские псы не показали ему свои стальные клыки.

В конюшне он обнаружил, что Карлай уже оседлан. Это его удивило, как и то, что белой лошади азорийца нет вовсе. Потом он сообразил, что хозяин «Вдовы-хохотушки» – стреляный воробей и обо всем позаботился при первых признаках опасности. Мысленно вознеся Оарту и другим богам благодарственную молитву, Хейдин вскочил в седло и вихрем вылетел из конюшни, спеша убраться из Маре. Скоро он покинул городок и поехал на юг, прямо в сумерки.

Долгий подъем закончился. На вершине башни ледяной ветер дул с бешеной силой, совсем рядом над головой клубились тяжелые черные тучи. Внизу в ночи какие-то невидимые Хейдину твари переговаривались тягучими мяукающими криками.

– Круг, – только и сказал Маджари.

Хейдин огляделся. Верхушка башни имела форму правильного шестиугольника, каждая из диагоналей которого составляла локтей семьдесят, не меньше. Квадратный люк, через который они с Маджари поднялись на верхушку башни, находился в восточной стороне площадки. Невысокий парапет с остроконечными зубцами окружал площадку по периметру; когда-то вымощенный мраморным плитняком пол покрылся сколами и выбоинами, в щелях между плитами росла трава. Каменные фигуры химер и крылатых чудовищ, оседлавшие парапет, все в трещинах и темных натеках, наблюдали за стоящими в Круге людьми пустыми глазами. В центре площадки была вмурована в пол темная глыба с плоской верхушкой – видимо, алтарь или жертвенник.

– Не вижу входа в иной мир, – сказал Хейдин, обойдя алтарь.

– Скоро ты его увидишь.

– В таверне мы не договорили, ради чего я отправляюсь в путешествие.

– Ради Лаэды, – просто сказал Маджари. – Я не могу сказать тебе всего, потому что сам всего не знаю. Одно верно; сын Ялмара – ключ к спасению страны и мира. Ты должен найти его, защитить и доставить обратно.

– Как я его найду?

– Каролит приведет тебя к нему. Когда-то кристаллы в перстнях скроллингов и нагрудном знаке Великого Видящего составляли один большой камень – поэтому они обладают свойством притягивать друг друга. Хочу тебя предупредить, что путешествие за Круг может дать необычные последствия. Человек может измениться внешне, помолодеть или, напротив, постареть, обрести необычные способности. Придется тебе рискнуть. И отправляться нужно немедленно. Погоня уже близко.

– Кании?

– Они для нас пока неопасны. Кании – порождения магии, энергия каролита отпугивает их, хотя если зверей будет много, каролит нас не защитит. Есть другая опасность – Красные плащи. Я ненамного их опередил.

– И славно, – сказал Хейдин. – Давно я никого не убивал.

– Их пятеро, и они беззаветно преданы императору. И еще, они неплохо владеют мечами.

– Ты уже сталкивался с ними?

– Увы! Я ведь не сказал твоему графу всей правды. Они напали на меня на дороге в Виан. Двоих я убил...

– И что же?

– Ничего. Сейчас они снова преследуют нас и скоро будут здесь.

– Я даже не спросил, как тебе удалось уйти из гостиницы, – поинтересовался Хейдин.

– У дядюшки Йола в таверне полно тайных убежищ. Я просто спрятался. Ищейки покрутились и отправились на Фонкарский тракт, чтобы устроить там для меня засаду, а я поехал в объезд.

– Как же ты успел к замку раньше меня?

– Не родился еще конь, равный бедняге Ротасу... Ну что, ты готов?

– Готов, – Хейдин внимательно посмотрел на азорийца. – Ты чего-то не договариваешь, Медж. Почему ты выбрал меня?

– Ты хочешь знать? – Азорец улыбнулся. – Хорошо. Смотри.

Медж расстегнул крючки камзола, и Хейдин вздрогнул. Рубаха азорийца заскорузла от черной засохшей крови, а запах, исходящий от раны, был запахом смерти.

– Чертовски скверная рана, – сказал Маджари и снова улыбнулся. – Теперь понимаешь, почему я не мог выпить и поесть вместе с тобой? Понимаешь, почему мне нужен ты?

– Но как же...

– Каролит, Хейдин. Энергия камня сохраняет мне жизнь – пока сохраняет.

– Ты не умрешь?

– Умру, – просто ответил Маджари, – С каролитом или без него. Поэтому бери перстень и выполняй поручение. Придется тебе делать мою работу.

– Я не могу взять перстень!

– Без него ты не пройдешь за Круг.

– Клянусь Тарнаном, никуда я не пойду! Иди ты!

– Это невозможно. С камнем я проживу только ненамного дольше, чем без него. Силы мои на исходе, так что бери перстень и уходи. Времени остается все меньше.

– Когда это случилось?

– Я уже сказал тебе – на дороге в Виан.

– Медж, это бесчестно. Я не брошу тебя умирать в одиночестве.

– Видишь, я сделал правильный выбор, мой друг, – сказал азориец. – Я не ошибся в тебе, ты будешь хорошим скроллингом! Однако твое благородство может погубить дело, ради которого мы здесь. Послушай, ортландец, я не буду с тобой спорить, но скажу одно – любое промедление недопустимо. Великий Видящий сказал мне, что сыну Ялмара грозит большая опасность. С недавних пор в мире, в котором мы его спрятали, происходят страшные кровавые события. Там идет большая война, и мальчику угрожает опасность. Если он погибнет, все будет кончено. Тьма скроет наши земли. И уже ничто не спасет Лаэду. Ты возьмешь перстень и войдешь в Круг, немедленно! Слышишь?

– Что?

– Лошади ржут. Императорские ищейки уже здесь.

– Мы отобьемся. Они будут подниматься по лестнице, и я...

– Они не будут подниматься путем, которым шли мы, Хейдин. К башне примыкает аркбутан с галереей, которая ведет от старого замка сюда. Тот, кто послал погоню, знает об этом. И Красные плащи знают. Через пару минут они будут здесь. А я не могу сражаться в полную силу, понимаешь?

– Я не брошу тебя, Медж.

– Карвер ди Бэр был прав, говоря о тебе только хорошее, ортландец... О проклятие, чуть не забыл! На той стороне ты встретишь женщину. Она поможет тебе найти сына Ялмара.

– Медж, какой во всем этом смысл?

– Придет последний час империи, Тьма станет Светом, а Свет Тьмой, и кровь убитого императора падет на землю проклятием, – словно в трансе зашептал Маджари, – откроются ворота Гар-Хлунга, и силы Ночи придут на землю. Восстанут мертвые, чтобы пожрать живых. Сбудется все, что было предсказано в Книге Заммека, Черной Книге. Это уже началось, Хейдин! Все погибнет, все! Земля не будет родить ничего, кроме терниев, воды рек станут гноем и желчью, небо почернеет, и солнце падет на землю. Но четверо смогут остановить Зло. Четверо восстановят Равенство Сил и закроют ворота Ночи. Сделай это, Хейдин. Только ты – и никто другой. Только ты...

Хейдин не успел ответить – над парашютом появилась темная фигура, потом другая, третья. Затем сверкнула молния, выхватив из мрака кровавый багрянец плащей.

– Беги! – Маджари быстрым движением сунул в руку Хейдина каролитовый перстень, другой рукой рванул меч из ножен. – Я их развлеку...

– Никогда!

Красные плащи взяли рыцарей в кольцо. Ближайший к Хейдину сыщик раскручивал боевой якорь-кошку на длинной стальной цепи; еще двое подкрадывались вдоль парашюта, заходя

сзади. Ортландец поднял Блеск над головой, ожидая атаки. Но Маджари не стал ждать, атаковал врагов первым.

Будто и не было страшной раны – сделав молниеносный прыжок, Маджари рубанул ближайшего сыщика, целя в голову. Красный плащ встретил клинок азорийца своим мечом, но его меч переломился и со звоном отлетел в сторону. Раздался вопль боли – сыщик вывалился из схватки, разбрызгивая кровь, хлещущую из обрубка левой руки. А Маджари уже напал на второго сыщика, осыпав его градом виртуозных ударов.

Красный плащ, вооруженный якорем, атаковал Хейдина, пытаясь выбить у него меч. Хейдин увернулся, крючья якоря высекли оранжевые искры из мрамора. Развернувшись на каблуках, Хейдин резанул врага по позвоночнику. Блеск с хрустом перерубил кость, и Красный плащ без звука ткнулся головой в парাপет.

Противник Маджари, отбив первый натиск азорийца, пошел вперед. Среди императорских псов встречались отличные фехтовальщики, и этот был как раз одним из них. Умелым батманом он отбил клинок Маджари и нанес колющий выпад. Маджари отпрыгнул, избежав ранения, но потерял равновесие и упал. Красный плащ нанес секущий удар по лежащему рыцарю, потом еще и еще. Маджари успел отбить удары, сам резанул по ногам противника. Сыщик завыл то ли от боли, то ли от ярости. Ударил вслепую, лишь бы достать врага, пригвоздить к полу. Маджари перехватил клинок врага своим мечом, атаковал снизу в открывшийся живот. Падая, Красный плащ еще глубже вогнал в себя лезвие меча. Скрюченными в агонии пальцами он пытался дотянуться до горла азорийца, но смерть не дала ему этого сделать.

Хейдин свалил четвертого сыщика – тот упал у самого алтаря, окатив его кровью из рассеченной сонной артерии. Последний Красный плащ отчаянно сопротивлялся, но Хейдин уже не сомневался, что победа останется за ним. Хладнокровно отбивая свирепые выпады противника, Хейдин отгеснил Красного плаща к парапету, воспользовавшись промахом противника. Ударил его с разворота рукоятью Блеска в лицо. Снова сверкнула молния, и ортландец узнал человека с изуродованным лицом, того самого, что допрашивал его в Маре. Прянув назад, Хейдин рубанул из пятой позиции снизу вверх. Красный плащ затрясся, срыгнул кровью и повалился на парাপет между зубцами.

Переводя дыхание, Хейдин оглядел поле боя. Раненый у алтаря еще подавал признаки жизни, ползая в огромной кровавой луже. Все прочие были мертвы. Хейдин стащил труп сыщика с Маджари – азорец уже не дышал. Меч Маджари остался в теле заколотого им Красного плаща; Хейдин вырвал меч из мертвеца, вложил в руку азорийца и, прочитав короткую молитву Оарту, закрыл умершему глаза.

– Это был хороший бой, Медж, – сказал он. – Клянусь Тарнаном, ты был достойным воином. Прости, я не могу похоронить тебя, как полагается. Прощай, я выполню все, о чем ты меня просил.

Внизу, у подножия башни опять раздался вой. Раненый сыщик испустил дух, и Хейдин первым делом оттащил мертвое тело прочь от алтаря. Надел перстень на палец. Каролит на мгновение вспыхнул зеленоватой искрой, будто подмигивая ему. Наверное, так каролит приветствовал нового хозяина. Нового Воина Свитка.

Встав у алтаря, Хейдин попытался сосредоточиться. Медж не сказал ему, как управлять камнем, но это, наверное, не так уж и трудно. Маджари говорил, что камень сам приведет Хейдина к цели. Надо только сосредоточиться. Только лишь сосредоточиться...

Мысли мешались. Горячка боя еще не прошла, и Хейдин никак не мог собраться. Потом вдруг из мешанины образов выплыл дракон, похожий на старинные изображения, которые Хейдин видел в Кениэл-Руне. И поднялся вихрь. Ветер налетел внезапно, завыл в ушах; мощный смерч потянул Хейдина вверх, к грозовому небу. Чувство беспомощности и панический ужас охватили ортландца, но лишь на мгновение. А потом был свет – яркий, слепящий, и Хейдин полетел прямо в него. В тот миг он успел подумать, что летит прямо к звездам.

Густые ночные тени уже залегли по обоим берегам Туэйда, когда два всадника спустились по узкой тропке к самой воде. Лаэданский берег Туэйда, пологий и болотистый, встретил путников полчищами мошкеры и дружным кваканьем лягушек, которые, однако, затихли ненадолго, но потом, убедившись, что пришельцам нет до них дела, возобновили свои вокальные упражнения. На противоположном берегу стеной вставал лес.

– Солтьерский лес, – сказал старший из всадников. – Все, приехали.

– А мне плевать, как он называется! – отозвался второй, молодая девушка. – Будь я проклята, если еще хоть раз сяду на лошадь.

Акун усмехнулся. От самого Гесперополиса его юная протеже держится молодцом. Для новичка в верховой езде совсем неплохо, если учесть, что от ворот Гесперополиса они несколько часов чуть ли не галопом скакали, стремясь побыстрее убраться подальше от столицы. И Руменика, как и водится с новичками, в кровь растерла себе кожу на бедрах.

– Ты слишком напрягаешь ноги, – сказал ей Акун, – пытаешься удержаться в седле. Это неправильно.

– К вордланам это траханное седло! – со слезами выпалила Руменика. – У меня весь зад огнем горит, утром я не смогу не то что на лошадь сесть, просто встать на ноги!

– Пустяки. У меня есть мазь. Намажешь свои ссадины и мозоли. К утру все пройдет.

Старый милд дал ей тыковку с мазью. Чертыхаясь и проклиная жреца, лошадей, седло и императора, Руменика начала стягивать с себя штаны.

– Ну что, так и будешь паяться? – осведомилась она у Акуна. – Отвернулся бы, что ли, старый греховодник.

– Больно ты мне нужна, – спокойно ответил Акун, возясь с упряжью своего коня. – Я повидал столько женщин, что ничего нового все равно не увижу. Но если хочешь, я уйду.

– Давно бы так, – проворчала Руменика, наблюдая, как старик направляется к стреноженным неподалеку лошадям. – Всех вас медом не корми, дай только поглазеть на бабий зад. Что молодому, что старому. Все вы одинаковы – и старый варвар, и этот хренов император!

От мази Акуна ссадины и мозоли начало так печь, что Руменика завывала тихонько, на одной ноте, и всерьез подумала – а не пригласить ли старпера, пусть подует. Мысль показалась ей такой забавной, что она захохотала. Акун тут же вернулся.

– Что ты? – спросил он. – Что-то смешное?

«Не хочешь ли подуть?» – подумала Руменика и снова засмеялась, вытирая выступившие на глазах слезы.

– Пожрать чего-нибудь дай. С полудня ничего не ела.

Они поужинали сушеным мясом и овсянкой, легли спать, а наутро Руменика чувствовала себя куда лучше. Мазь оказалась очень действенной, мозоли затвердели, а ссадины зарубцевались, и хоть Руменика всерьез опасалась, как бы на ее ягодицах и бедрах не осталось шрамов, ехать стало легче – только теперь болели с непривычки сведенные ноги. Акун ехал молча, почти не разговаривая с ней, весь обратившись во внимание. Ближе к полудню они спрятались в небольшой рощице, поели и до наступления темноты отсыпались. Вернее, спала Руменика, а старый милд продолжал бодрствовать. Акун, казалось, был выкован из железа.

Руменика понятия не имела, куда они едут. Акун вел ее в обход населенных мест, большей частью какими-то ему одному известными тропами среди лесов и между холмов. На ее расспросы он ничего не отвечал, лишь сказал однажды:

– Я везу тебя, куда надо.

– А куда надо?

– На запад, в Рошир.

– С какого перепугу нам надо ехать в Рошир?

– Надо, значит надо.

– А ты неразговорчив, – Руменика надула губы. – Мог бы хоть из вежливости поддержать разговор.

– Легче тебе от этого не станет. А голоса можно услышать на большом расстоянии.

– В этой глухомани? Везешь меня в какую-то дыру и даже не говоришь, куда. Я ведь, между прочим, не кто-нибудь, а императорская фаворитка. Имел бы уважение.

– Была императорская фаворитка, – меланхолично заметил Акун. – Теперь если нас поймают, тебя в лучшем случае продадут в публичный дом для солдат.

– А тебя?

– А меня казнят, как государственного изменника. Сначала будут бить кнутом, потом вырежут язык, потом выколют глаза, потом отрубят руки и ноги и еще живого посадят на кол, чтобы все видели, как император карает изменников.

– Ух ты! – Руменика поежилась, даже под теплым плащом ей стало вдруг очень холодно. – Пожалуй, нам следует поспешить, чтобы побыстрее добраться до Рошира.

Вторую ночь они провели среди холмов; Акун сказал, что эта местность называется Гвир-Коллаин – Меловые Головы, – потому что холмы состоят из мела. В одном из этих холмов Акун быстро разыскал небольшую пещерку, куда беглецы смогли завести лошадей и спрятаться сами. Огонь разводить не стали, поужинали всухомятку.

– Долго нам еще ехать? – спросила Руменика.

– Завтра к ночи будем на месте.

– Скорее бы!

– Как твои... ноги?

– Неплохо, – Руменика хотела съязвить, но ее тронула теплота в голосе старого варвара. –

А ты вот совсем не спишь вторые сутки.

– Я привык.

– Ты был воином?

– Все милды воины.

– Я хотела сказать – ты служил в армии?

– Служил. Потом старый стал.

– Ты-то старый? Да ты крепок, как медведь. Небось не одна баба по тебе вздыхает.

– Раньше вздыхали. Теперь нет.

– Жена-то у тебя есть?

– Нет. И детей нет.

– Вот как? Хорошенькое дело! Ты что, женат не был?

– Почему не был? Был. Давно, много лет назад. И жена была, и сын, и дочь.

– Ну и где они сейчас?

– В лучшем мире, – Акун собрал с покрывала, заменяющего скатерть, остатки трапезы. – Красный мор был. Сначала умерла жена, потом дети. Я тоже заболел, но выжил.

– Прости, Акун, я не знала.

– Это было давно. Так давно, что я и сам не верю, что все это было в моей жизни.

– Тебе надо жениться. Завести детей. Ты еще не старый, сильный. Много женщин захотят выйти за тебя замуж.

– Как захочет Эш-Леш, так и будет, – Акун посмотрел на девушку. – Ложись спать, поедем еще до рассвета. Будешь зевать в седле.

– Мне надо выйти.

– Зачем? Выходить опасно.

– Посикать мне надо, затем! – разозлилась Руменика. – Что ты разговариваешь со мной, как с ребенком?

– Ты и есть ребенок. Болтливый и капризный.

– Ах ты, какие мы взрослые! Мне, между прочим, уже семнадцать. И я уже третий год постоянно сплю с мужиками, понял?

– Я тебя в этом не виню. Эш-Леш выбрал для тебя такую судьбу. Но скоро она переменится.

– Заладил: Эш-Леш, Эш-Леш... Не надо тебе жениться! Ты старый и нудный, жена от тебя убежит к молодому на второй день.

– Не убежит, – Акун встал, свернул покрывало. – Справляй свою нужду в пещере. Я выйду к лошадям. Они не болтают чепухи.

Руменика завернулась в одеяло, отвернулась к стене пещеры. Вот ведь старый хрен! С лошадьми ему лучше, чем с ней. Ну и пусть катится, язва его заberi. Одна радость – завтра они наверняка расстанутся. Она поедет своей дорогой, старый варвар своей. Для нее начнется новая жизнь. Роширского языка она не знает, но это ничего – глаза и пальцы красноречивее слов, если умеешь объясняться жестами. А еще этот чертов жрец не дал ей ни гроша...

Она уснула и спала крепко, и во сне ей снились серебряные галарны, золотые дракианы и просто огромные куски золота, которые она никак не могла поднять. Акун долго тряс ее, пока она не проснулась. После завтрака, состоящего из сушеной рыбы и фруктов, вновь тронулись в путь.

– Когда солнце подойдет к полудню, – сообщил Акун девушке, – мы окажемся близ небольшой деревни. Туда я поеду один, а ты подождешь меня там, где я велю тебе ждать. Не бойся, это ненадолго.

Руменика не спорила. Старый милд производил впечатление человека, который хорошо знал, что делает. Если он едет в деревню, значит это нужно. Подозревать старика в чем-то нехорошем у Руменики не было оснований. Но кое о чем она его все-таки попросила.

– Оставь мне какое-нибудь оружие, – сказала она, глядя старику прямо в глаза. – Мне будет спокойнее.

– Орионами умеешь пользоваться?

– Нет. – Руменика слышала об орионах, которые милды называли «железными поцелуями», но даже в руках их никогда не держала. – Мне бы что-нибудь попривычнее.

– Тогда только это, – Акун раскрыл свою седельную сумку и протянул ей большой охотничий нож в ножнах из толстой кожи. – Осторожно, он очень толстый. Перед отъездом точил.

– Как же ты, холера тебя заberi, собирался меня охранять, если у тебя нет никакого оружия?

– Почему нет? У меня есть орионы, – Акун похлопал себя по кожаной бандольере, перебившей его грудь, и она издала неожиданный металлический звук. – А еще у меня есть это, – и он показал девушке свой посох.

– Эта палка?

– И враг думает, что это палка, – сказал Акун, кивнув. – Он видит на дороге старика и девчонку на хороших лошадях. Девчонка при этом красивая, а старик безоружен. У него только палка. Враг вооружен. Он уже предвкушает, как убьет старика, заберет лошадей и девчонку. Он подъезжает быстро и...

Акун нажал на скрытую в посохе пружину, и на обоих концах палки с лязгом раскрылись острейшие стальные крючья в пятнадцать дюймов длиной. Старый милд завертел своим необычным оружием с поразительной ловкостью, аж воздух завыл вокруг грозных стальных когтей.

– Ловко, – сказала Руменика, чувствуя, как у нее по спине бегают мурашки. Старичок вовсе не так беззащитен, как кажется. В два счета выпотрошит любого негодяя.

Акун вновь нажал пружину, и боевой шест снова превратился в обычный, вполне безобидный с виду, посох. Руменика ничего не сказала, но ей стало гораздо спокойнее. Конечно,

старый варвар не очень-то похож на блистательного рыцаря, но худо-бедно сможет ее защитить, если вдруг выйдет оказия наткнуться на каких-нибудь лихих людей.

Еще некоторое время они ехали, почти не разговаривая. Когда впереди показались засеянные поля, Акун велел ей остаться в густой рощице в стороне от дороги и ждать его там. Сам же он поехал дальше.

Вернулся он часа через два, и его вороной был нагружен тяжелыми узлами. Руменику одолевало любопытство, но приставать к Акуну с расспросами она не стала, полагая, что старик ей сам все объяснит. Однако Акун и не думал этого делать.

– Едем дальше, – только и сказал он.

– Куда мы едем? – не выдержала Руменика. – Третий день ты тащишь меня куда-то, говоришь, что в Рошир. Но в Рошир надо ехать на закат. А мы едем на полдень.

– Императорские ищейки не дураки. Они знают, что в Рошир мы можем попасть только по той дороге, о которой ты говоришь. И устроят там засаду. Я узнал кое-что в деревне. Здесь видели Красных гвардейцев императора – не исключено, что они ищут нас.

– Что же тогда делать?

– Лучше поешь, – Акун разложил на посланном на траву платке принесенную из деревни снедь; печеную курицу, десяток яиц, ячменный хлеб, кусок овечьего сыра и яблоки. – Ехать придется без привала.

– Ты не ответил на мой вопрос.

– Смотри сюда, – Акун взял ветку, очистил ее от листьев и начал чертить на земле. – Вот Гесперополис. Три дня мы ехали на закат, верно? Если считать, что в день мы делали по сорок лиг, мы сейчас здесь, – он ткнул веткой в землю, – лигах в тринадцати-пятнадцати от границы Рошира.

– Ну и что?

– В Гесперополисе не знают, куда мы едем. Они могут ждать нас на четырех дорогах – на большом тракте в Таорию, на дороге в Азор, на Северном пути или же на дороге в Рошир. Я бы так поступил, клянусь Эш-Лешем!

– Это понятно, – нетерпеливо перебила Руменика. – А дальше что?

– Мы их обманем. Мы весь день ехали на юг. Это потому, что нам нужен не Рошир, а Солтьерский лес.

– Дьявол! Ты же сказал, что мы едем в Рошир!

– Солтьерский лес на границе Рошира.

– Какая радость! Сдается мне, что это проклятое путешествие никогда не кончится.

– Оно кончится сегодня ночью. И начнется другое, – загадочно сказал Акун.

– Хочешь сказать, из Солтьерского леса мы поедем еще куда-нибудь?

– Я делаю то, о чем меня просил Гармен.

– Надеюсь, Гармен все-таки предусмотрел для меня чистое белье и горячую воду для умывания, – проворчала Руменика. – От меня воняет потом, как от загнанной кобылы, и волосы у меня стали похожи на конскую гриву. Скоро руки цыпками покроются!

– Мы едем на юг. Я посмотрел дорогу; лигах в двух отсюда начинается всхолмье до самого Туэйда. Места тут пустынные, торных дорог почти нет. До всхолмья местность открытая, засаду не устроишь, а от погони мы на наших конях уйдем без труда. Сразу за холмами будет излучина Туэйда, а там и Солтьерский лес.

– А как через реку переправляться?

– Я знаю броды. В это время года воды в Туэйде немного.

– Объясни мне, Акун, за каким лешим ты поперся в деревню?

– Тут живет моя сестра Тави. Повидался с ней, отдал ей деньги, взял кое-какие припасы на дорогу.

– Значит, у нас теперь нет денег?

- Есть. Сто галарнов.
- Гармен дал тебе двести, не так ли?
- Там, куда мы направляемся, галарны не понадобятся.
- Не хитри, Акун! В Рошире ходят всякие деньги, галарны тоже.
- Но такие деньги не ходят, – Акун достал из своего поясного кошелька свернутый в кольцо толстый серебряный прут. – Вот на что я истратил половину денег. Загляни в седельные сумки.
- Руменика приблизилась к вороному. Открыла один из мешков, глянула внутрь.
- Что за черт! – вырвалось у нее.
- Я выбрал лучшее из того, что было, – заметил старик.
- Шубы! Шапки! – Девушка с недоумением рассматривала содержимое мешка. – На кой ляд они нам нужны, Акун? До зимы еще далеко, если только... Я ничего не могу понять, а когда я чего-либо не понимаю, я злюсь!
- Скоро все поймешь.
- Дурочку из меня делаете! – Руменика рассердилась не на шутку; усталость, раздражение, злость на скрытного милда слились воедино, прорвались наружу. – Шубы и шапки в разгар лета? Серебряная проволока вместо денег? И глупая девка в придачу, так? Едет себе, не задает вопросов, хотя везут ее черте куда! Поговорим, Акун?
- Разгадка на твоём пальце, – сказал милд, спокойно очищая от кожуры яблоко.
- Ты об этом перстне? – Руменика без особого восторга глянула на подарок Гармена. – Этот камень даже не драгоценный. Похож на халцедон или гелиотроп. Зеленые самоцветы мне не нравятся. И оправлен в серебро. Мой камень – алмаз! А это так, пустышка...
- Этот перстень ценнее ларца с бриллиантами, девушка. Камень, о котором ты так презрительно говоришь – каролит.
- Ни разу не слышала. Он такой ценный?
- Очень ценный. О его свойствах тебе могли бы рассказать знающие люди. Тот же Гармен, – Акун надкусил яблоко. – И твой отец.
- Мой отец? – Руменика на миг застыла в оцепенении, потом бросилась к милду, вцепилась в его руку, умоляюще заглянула в глаза. – Акун, ты знал моего отца? Ты ведь знал его, да? Скажи, прошу тебя!
- Нет. Я лишь знаю, кто он. Его звали Йол ди Крифф. Он был правой рукой Римана ди Риварда, Великого Видящего скроллингов. – Акун потупил взгляд. – Гармен рассказывал мне о нем.
- Что он еще рассказывал?
- Ничего. Только то, что с твоим отцом случилась беда, и ты осталась сиротой. О тебе заботилась старая Хорла.
- Акун, ты ведь знаешь, где мой отец! Знаешь?
- Он впал в немилость, – ответил старик. – Император Лоэрик Четвертый Благословенный разгневался на него.
- Мой отец умер?
- Ты хочешь это знать?
- Хочу! Нет-нет, не надо! – Руменика обратила к старому милду руки ладонями вперед, будто хотела отгородить себя от той страшной правды, которую знает Акун и может сказать ей. – Ты знаешь все, но, прошу тебя, ничего мне не говори. Я буду верить. Я буду верить, что он жив, что он вернется ко мне, и я наконец-то буду жить в своем доме. И я не буду больше, – у нее хлынули из глаз слезы, – не буду... императорской шлюхой. Не буду... сиротой!
- Поплачь, дочка, – Акун с неожиданной мягкостью привлек плачущую девушку к себе, гладил ее волосы, а Руменика ревела навзрыд, не в силах остановиться. – Поплачь, тебе будет легче. Хорла тебе не рассказывала о нем?
- Ни... никогда, – заикаясь и вытирая слезы, ответила Руменика.

– Значит, она хорошо выполнила волю твоего отца.

– Но почему за тринадцать лет, которые я была с Хорлой, ни отец, ни мать ни разу не навестили меня? В чем причина? Ты ведь знаешь это тоже, да?

– Нет. Я лишь знаю, что тебя забрали у твоей матери и передали Хорле – таково было условие. А отец твой вынужден был покинуть Лаэду. Где они теперь, мне неизвестно.

– Значит, они живы? – Взгляд Руменики потеплел, она перестала всхлипывать. – Слава Единому! Ты хороший, Акун. Ты самый-самый хороший. Можно, я тебя поцелую?

Щека старика была колючей от четырехдневной щетины, от его куртки крепко пахло кожей и еще чем-то острым, но Руменике вдруг на мгновение показалось, что она целует не старого варвара, а своего отца. Сердце ее екнуло, сладко сжалось. Это было чудесное чувство. До сих пор она его испытывала только в объятиях Неллена – бедного, юного, влюбленного в него Неллена.

– Пора ехать, – шепнул ей Акун. – У нас мало времени.

До сумерек они проехали всхолмье, скрываясь в овражках, заросших густым кустарником. Лошади шли неровным шагом, и все мышцы Руменики разболелись так, что хоть в крик кричи. Но она не роптала. Мысли об отце помогали переносить боль.

Потом показалась излучина Туэйда. Здесь в первый раз они слышали далекий тягучий вой, напоминающий крик разъяренного кота. Руменика испуганно посмотрела на старого милда.

– Кании, – спокойно ответил тот. – Погоня близко.

– И что делать?

– Едем к броду. Он недалеко, пол-лиги отсюда.

– Акун, нас не поймают?

– Не бойся. Звери далеко, а люди, их пославшие по нашему следу, еще дальше. Мы переправимся на тот берег раньше, чем они будут здесь.

– Ты хороший следопыт, Акун.

– Каждый делает то, что умеет, – ответил милд и прищиприл коня.

Берег был топкий, ноги лошадей вязли в мокром мелком песке, оттого расстояние в пресловутые пол-лиги преодолевали очень долго. Кании еще раз два подавали голос, переговариваясь в ночи, и их зловещий вой заставлял Руменику крепче хватать поводья Куколки. Лягушки продолжали свой тысячеголосый концерт, а из темной громады леса на том берегу тоже раздавались какие-то крики, не то зверей, не то птиц, не то неизвестных существ. Стало очень холодно, и Руменика подумала, что старый варвар не зря взял в деревне теплые вещи. Может, этот самый Солтьерский лес особенный, и там даже летом стоит зимний холод?

Наконец Акун остановился, поднял руку.

– Моя вешка, – сказал он, показав на очищенную от коры палку локтей в шесть высотой, белевшую на берегу. – Вот и брод.

– Здесь глубоко?

– Вода может дойти лошадям до брюха. Поэтому подтяни ноги, времени сушить обувь у нас не будет. Держись за мной и не распускай поводья, не то тебя унесет течением!

Акун повел своего Габара в воду, и Руменика двинулась следом. В воде было страшно. Воды Туэйда были совершенно черными: хмарь затянула небо еще до сумерек, и теперь даже звезды не отражались в реке, похожей на поток расплавленной смолы. Лошади храпели, тревожно поводили ушами, раз или два Куколка едва не шарахнулась в сторону, и Руменика с трудом ее удержала. Вода плескалась у самых ног. Разные тревожные мысли лезли Руменике в голову, и от этих мыслей волосы ее шевелились, будто живые. Она вспоминала истории об утопленниках, о водяных девах мэви, которые не любят женщин и обожают мужчин и детей; она припомнила сказки о водяных чудовищах, которые ей рассказывала Хорла. При свете солнца река казалась мирной и безопасной, сейчас же просто излучала темный ужас. Позади

была погоня, свирепые кани, мяукающие вопли которых были все ближе, впереди – Солтьерский лес, и тьма меж его громадными корявыми деревьями внушала не меньший страх, чем черные воды Туэйда.

Однако Акун уверенно преодолевал брод. Вскоре дно реки начало подниматься, и лошади радостно зафыркали. С того момента, как они вошли в воду на лаэданском берегу реки до прибытия на роширский берег, прошло не более четверти часа.

– Хвала Эш-Лешу! – провозгласил Акун, бросая в воды реки кусок курицы и краюху хлеба. – Слава божественной Триаде! Теперь мы в безопасности.

– А погоня? – спросила Руменика.

– Они не сунутся в реку. И еще, нарушать границу Рошира даже императорские слуги не могут просто так.

Руменика с облегчением вздохнула. Внутри нее будто развязался болезненный тугой узел, который последние дни не давал ей ни есть, ни спать спокойно. Впервые за четыре дня Руменика не боялась будущего.

– Поужинать бы, – сказала она, подъехав к Акуну.

– Сначала оставим берег. Наша цель недалеко, совсем недалеко. Надо проехать в лес.

– Ночью? – Руменика с трепетом посмотрела на черную стену деревьев. – Как ты собираешься найти дорогу в этой чаще?

– У нас есть подарок наших друзей.

Акун порылся в своих вещах и извлек из недр переметной сумы мешочек из темного бархата. В мешочке был шар величиной с крупное яблоко из темного стекла. Акун произнес несколько слов на неизвестном Руменике языке, и произошло удивительное – шар засветился теплым белым светом, который постепенно разгорался и становился все ярче. Но еще более удивительным было то, что шар остался висеть в воздухе, когда Акун убрал руку.

– Путеводная звезда, – улыбнулся милд. – Едем!

Шар, разгораясь все ярче, плыл в нескольких локтях над землей, высвечивая дорогу. Двигаясь за шаром, они вскоре обнаружили в стене деревьев просеку и углубились в нее. Просека была широкая, но кроны деревьев нависали над ней очень низко – приходилось пригибаться в седле. Шар уверенно плыл вперед: в его теплом белом свечении лес больше не казался жутким и зловещим, и даже непонятные звуки в чаще стихли. Солтьерский лес стал загадочным и колдовским.

– Ты волшебник, Акун? – спросила Руменика.

– Я воин, девушка. Волшебники те, кто придумали этого светляка.

– Как красиво!

– Смотри, мы на месте...

Светящийся шар теперь плыл над большой поляной, имеющей правильную округлую форму и окруженную гигантскими вековыми дубами. Руменика никогда еще не видела таких старых и удивительных деревьев. Их толстенные стволы были изборозжены причудливыми узорами, будто лица древних стариков – морщинами. Наросты, пятна лишайников, ложбины коры, переплетенные узловатые ветки складывались в странные пугающие изображения и фигуры; жуткие лица, застывшие в причудливых позах обнаженные женские тела, безобразных тварей – порождения ночных кошмаров и большой фантазии. Руменика почувствовала, что ночной страх опять входит в ее сердце, ползет холодными струйками по спине, вызывая озноб во всем теле. Старые дубы обступили их, заключили в кольцо, из которого, казалось, нет и не будет выхода.

Шар остановился в середине поляны, повис на месте. Вспыхнул и померк. Во мраке в кронах дубов зашумел ветер, тяжелые ветки закрипели, как будто лесные патриархи начали переговариваться между собой, решая, как поступить с нахальными пришельцами.

– Где мы? – шепнула Руменика.

– В Кольце Ведьм. Не бойся, магия Солтьерского леса на нашей стороне. Это древний алтарь сидов, алтарь Утренней Звезды и Деревьев.

– Акун, мне страшно.

– Скоро все закончится...

Деревья продолжали переговариваться, шумя ветвями. Ветер понемногу усиливался. А потом вдруг стало нестерпимо холодно. Шар вспыхнул, но уже не белым, а кроваво-алым светом – в нем окружившие поляну дубы и вовсе превратились в замерших перед прыжком уродливых чудищ. Лошади заржали, попятились прочь от центра поляны. Над поляной полетели сорванные с деревьев листья, мелкие ветви, подхваченные вихрем, лесные птицы. В небе над поляной засверкали молнии, и гром ухнул так, что Руменику охватил настоящий ужас.

– Акун! – Девушка закрыла лицо руками, выпустив поводья лошади. – АКУУУУУУН!

Лошади заржали, потом Руменику словно тряхнуло в седле. И стало тихо. И светло. Когда девушка отважилась открыть глаза, она не узнала поляну. Был день – пасмурный и зимний. Вокруг них был снег, много снега, огромные сугробы, наметенные под деревьями. Это был совсем другой лес. Не Солтьерский. В просвет между высокими соснами виднелась зимняя дорога.

Руменика вышла из транса только тогда, когда Акун набросил ей на плечи пушистую волчью шубу.

– Акун, где мы? – спросила она.

– Мы прошли Круг, – ответил старик. – Теперь я могу рассказать тебе, куда и зачем мы пришли...

У дверей в покои Тасси стояли два рослых гвардейца с алебардами наизготовку. Джелу ди Орану не нужно было смотреть им в глаза, чтобы понять – эти из Возвращенных. Другим бы Тасси просто не доверилась.

Красавица сидела спиной к двери перед огромным зеркалом в богатой позолоченной раме и расчесывала гребнем свои роскошные волосы. Расчесывала медленно, с явным наслаждением. Джел поклонился – хозяйка покоев, не оборачиваясь, кивнула в знак приветствия.

– Хорошие новости? – осведомилась она.

– Боюсь, что нет.

– Погоня их не остановила, не так ли?

– Нет. Пять стражников убиты. Мы нашли тело скроллинга. Его спутник успел совершить Переход.

– А эта шлюшка? И старик?

– Погоня напала на их след только у самой границы. Старик хорошо владеет магией. Он умеет отбивать запах, и канин не принесли никакой пользы. И еще – мы ждали их на Роширской дороге, а они направились в Солтьерский лес.

– Вы ждали их не там, где надо, не так ли?

– Это был твой приказ, – заметил Джел.

– О, это я виновата, что парочка ушла? – Тасси обернулась, лучезарно улыбнулась канцлеру. – Да, Джел?

– Может быть, я ошибаюсь, – неуверенно сказал канцлер.

Тасси отложила гребень, прошла к столу, где был накрыт ужин – ростбиф с кровью, копченая рыба, овощи и красное вино в графине. Джел молча наблюдал, как девушка режет на тарелке мясо, изящно отправляет маленькие кусочки в рот.

– Хочешь? – спросила Тасси, предлагая канцлеру ростбиф.

– Спасибо, я сыт. Что будем делать?

– Ты думаешь, мы потерпели поражение? – Тасси отпила вино, поморщилась. – Ничуть. Все идет как надо. Эти трое ничего для меня не значат. Сын Ялмара – вот кто мне нужен. И они приведут меня к нему.

– Нам теперь будет очень непросто их остановить.

– Скажи мне, Джел, а что тебе кажется самым главным событием за последние две недели?

– Мне можно подумать, прежде чем ответить?

– Главное – это тело, – Тасси с нежностью провела ладонями по своей груди, сделала по будуару несколько изящных па и весело расхохоталась. – Вот лучшее, что было за две недели. Я наконец-то могу выдержать солнечный свет. Это восхитительное чувство. Тебе этого не понять, Джел. Только тот, кто восемьсот лет был заточен во мраке, смог бы понять мою радость.

– Есть одно «но», – заметил канцлер. – Как мне тебя теперь называть?

– А как бы ты хотел?

– Мне нравится твое настоящее имя.

– Думаю, нам будет трудно объяснить нашему юному богу, почему ты зовешь меня Ара-ния Стирба или Аина-ап-Аннон, – улыбнулась Тасси. – Так что зови меня Тасси. Время сбросить маски еще не пришло.

– Прости меня, но тебя совсем не беспокоят наши беглецы.

– Хочешь честно? Сейчас у меня другие заботы. Теперь, когда наш возлюбленный император только тем и занят, что возвращает жизнь всем подряд, самое время воспользоваться его манией и его... человеколюбием. А там наступит новый день, и мы решим, что делать дальше.

– Я бы послал погоню за Круг.

– Успеется. У меня есть идеи на этот счет. Нет задачи, с которой не справится мой Легат.

– Ты хочешь... – Джел вдруг ощутил противную сухость во рту.

– Кании в другом мире бесполезны, хотя Легату может понадобиться их острый нюх. Что же до твоих гвардейцев, Джел, то они против скроллингов что малые дети. Два воина без труда зарубили пять человек – это о чем-то говорит. Перебросить гвардейцев за Круг мы не можем. А Легат один стоит целой армии. Он в одиночку сможет справиться со скроллингом или воином-Драконом.

– Дракон? Ты мне не говорила о драконах.

– Джел, ты очень милый, и я тебе благодарна за то, что ты для меня делаешь. Но магия и пророчества – моя стихия. Я могу то, чего не можешь ты. Поэтому ничего объяснять я тебе не буду. Делай свое дело, а я буду делать свое. Когда сбудется предсказанное в Книге Заммека, мы вместе насладимся плодами нашей победы.

– И я стану императором?

– Только ты.

– Помни, ты поклялась служить мне.

– До конца, – Тасси нехорошо улыбнулась. – Мое счастье, что люди смертны. Ваша жизнь так коротка. А иногда она бывает короче, чем вы думаете.

– Ты угрожаешь мне?

– Как я могу! Единственное, что я хотела сказать – у нас могущественные враги. Ортландский воин со странными способностями. Лаэданская шлюха из трущоб, которую чуть было не выбрали для меня. Сын покойного императора, находящийся неизвестно где и неизвестно с кем. И, наконец, Великий Видящий – Римаан ди Ривард. Вот с него бы и надо начать. Он из наших врагов находится к нам ближе всех.

– Его не могут разыскать уже много лет. Старик искусно меняет обличия и все время переезжает с места на место.

– Легат найдет его. Уничтожим старого скроллинга, и с прочими врагами сладить будет гораздо легче.

– А как быть с императором?

– Он нужен. Он очень нужен. Придется мне восторгаться его красотой и делить с ним ложе, каждую ночь сдерживая желание оставить от него одну оболочку.

– Ты влюблена в него.

– А ты ревнуешь? – Тасси улыбнулась. – С каких это пор? Глупо, Джел.

– Я понимаю. Но с того момента, как ты стала Тасси, я... я не хочу, чтобы ты была с ним.

– Забавно, – Тасси подошла к зеркалу, осмотрела себя. – Я тебя понимаю. Мысль о том, что кто-то, а не ты обладает этими ангельскими формами, целует эти плечи, наслаждается ароматом этих волос и жаром этого тела, невыносима. Ты хотел бы раздеть меня, любоваться мной, войти в меня, познать все изощренные ласки, которыми я могу довести тебя до исступления и до счастливой смерти, достойной древних героев. Но ты забыл, что я поклялась служить тебе. Когда придет время, и сбудутся пророчества Заммека, ты станешь императором, а я – твоей любовницей и богиней этого мира. Тогда мы с тобой сочтемся. Но не раньше. Время еще не пришло. Я Сила, которая разрушит несовершенный мир и создаст новый, но нам еще многое нужно сделать для этого.

– А если нам не удастся остановить сына Ялмара?

– Кто знает о том, что он действительно сын покойного императора? Никто. Кто сможет это подтвердить? Никто. Со смертью Римана ди Риварда сын императора станет самозванцем. На моей стороне – вся сила ада. На его стороне – трое смертных. Угадай, кто победит?

– Арания... то есть Тасси, я восхищен тобой.

– Не ревнуй к императору, Джел, – сказала Тасси, отпив еще глоток вина. – Он милый юноша, и близость с ним мне нужна. Я чувствую себя бодрой и счастливой после проведенной с ним ночи. Но это не значит, что я его люблю. Я люблю тебя. Ты иногда бываешь невыразимым занудой, но ты спас меня. Ты дал мне новую жизнь. Ты мне нужен. И я это тебе докажу.

– Тасси, я...

– О, ничего не говори, – девушка приложила палец к губам канцлера. – Молчание так многозначительно. Лучше сними с меня эту тунику и докажи мне, что зрелый мужчина искуснее в любви, чем двадцатилетний юнец. И давай забудем о наших врагах – хотя бы на время...

Час спустя после ухода канцлера Тасси приняла ванну, переоделась, отослала всю прислугу и осталась в своих роскошных покоях одна. Теперь она могла начать обряд, оставалось только дожждаться сумерек.

Она уже вполне привыкла к новому телу, и это тело приводило ее в восторг. Собственно, тело Вирии ей тоже нравилось, и вначале она хотела завладеть им. Но, глянув на Вирию через зеркало, Арания вдруг поняла, что ей что-то мешает завладеть этой девушкой. Возможно, сказалось присутствие жреца, а может и то, что девчонка оказалась дочерью проклятого скроллинга. С Тасси не возникло никаких затруднений. Девушка даже не успела испугаться. Ее жизненная сила стала отличным десертом для Арании Стирбы перед представлением на площади. Болван Шендрегон и в самом деле решил, что получил от Джела способность воскрешать мертвых. Пусть так думает и наслаждается этой мнимой силой. Пусть вызывает через Врата тех, кто вскоре составит легионы Арании Стирбы – Черной Принцессы Вирхейна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.